

ТЁМНЫЕ ГРЁЗЫ

КОНЮШЕНКО ЕГОР

18+

Егор Конюшенко

Тёмные Грёзы

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Тёмные Грёзы / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

Двенадцать историй, объединённых не героями, а самой тьмой, которая умеет принимать облик красного тумана, сумеречных птиц, комнаты без замка, сладкого снега, чужой тишины или остановившихся часов. Учёные, журналисты, архитекторы, следователи и случайные свидетели пытаются объяснить невозможное — исчезающие кварталы, зеркала с задержанным отражением, голоса из-под воды и города, где время замирает в 2:59, — но чем ближе они подходят к разгадке, тем отчётливее понимают: у каждой аномалии есть своя цена, и она уже назначена. «Тёмные Грёзы» — это приглашение заглянуть за грань обыденного, где страх не кричит, а шепчет, память стирается, как отражение, и даже собственное имя может стать чужим.

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Красный Туман	5
Час Сумеречных Птиц	27
Ключ Без Замка	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Егор Конюшенко Тёмные Грёзы

Красный Туман

Поезд выполз из ключьев сырой мглы, проскрежетал тормозами и замер у одинокой платформы, словно сам удивившись, что добрался. Алексей Кравцов спрыгнул на потрескавшийся асфальт, чувствуя, как влажный холод моментально забирается под ворот куртки. Фонарь над станцией «Затонск» мигал, разбрасывая по стенам облупившейся будки нервные желтые пятна. Пахло прелой листвой, речной тиной и чем-то ещё, едва уловимым — металлическим, как запах старой крови из раны.

Из-под навеса, кряхтя, выбрался смотритель в засаленной фуражке. В руке он держал старый керосиновый фонарь, хотя электричества, казалось, здесь хватало. Старик подслеповато сощурился, оглядывая единственного пассажира: высокий, угловатый, с рюкзаком, набитым аппаратурой, и лицом человека, который привык во всём искать формулы.

— Надолго к нам? — проскрипел он вместо приветствия, переводя взгляд с Алексея на потемневшее небо.

— Как получится. — Алексей поправил лямку, нащупал в кармане диктофон. — Мне бы гостиницу. Говорят, у вас тут явление... атмосферная аномалия.

Смотритель сплюнул сквозь зубы в серую от сырости щебёнку.

— Явление... Учёный, что ли? У нас, мил человек, каждые две недели кто-нибудь с приборами приезжает. А ты хоть знаешь, куда суёшься?

Алексей достал блокнот, перелистнул страницу с пометками. Он три месяца отслеживал сообщения о странных туманах, о багровых свечениях над Гнилым озером, о сбоях техники. Всё это укладывалось в гипотезу редкого оптического преломления света в насыщенной аэрозолями среде. Никакой мистики. Сплошная физика.

— Знаю. Красный туман. Вероятно, результат концентрации железистых частиц в воздухе. Метеорологический феномен, — отчеканил он тоном, не терпящим возражений.

Старик тихо засмеялся, и смех этот прозвучал так, будто сухие листья протащило ветром по жести.

— Метеор-логический... Ты бы, парень, слова эти свои при себе оставил. У нас тут, знаешь, в прошлый раз одна девчушка умная приезжала. Тоже всё высматривала, рисовала что-то в тетрадочке. Лиза Ветрова. Так вот нет её теперь. Туман пришёл — и след простыл. Учёная твоя.

Алексей черкнул в блокноте: «Ветрова. Пропавшая. Возможно, связь с аномалией?». Пальцы чуть дрогнули, но он заставил себя воспринять услышанное как статистику, не больше. Пропажи в таких глухих местах случаются сплошь и рядом, и люди любят облекать их в байки.

— Я учту, — сухо ответил он. — Гостиница прямо?

Смотритель махнул фонарём вдоль единственной улицы, тонувшей в тумане. Дома жались друг к другу, словно ища защиты. Окна почти везде были наглухо занавешены, и лишь в щелях редких ставен угадывался свет. Улица напоминала брошенную декорацию, из которой убрали всех актёров, кроме теней.

Алексей шагнул в эту сырую тишину. Подошвы ботинок гулко стучали по доскам тротуара. Иногда в переулках мелькали фигуры — местные жители, закутанные в плащи, смотрели на него с непонятным напряжением, а потом быстро отворачивались, крестились или попросту исчезали в подворотнях. Ни приветствия, ни вопроса. Только взгляды — колющие, предостерегающие.

У продовольственной лавки седая женщина в чёрном платке торопливо запирала ставни. Заметив незнакомца, она замерла с ключом в руке. Её глаза, бледно-голубые, почти выцветшие, глянули на него, а затем метнулись туда, куда уже, казалось, весь город тайком поглядывал — на запад, за дальний край леса. Там, где днём темнели очертания Гнилого озера, сейчас медленно разгоралось нечто необычное.

Алексей проследил за её взглядом. Над горизонтом, словно запёкшаяся рана, зрела багровая полоса. Она была ещё далеко, на самой кромке видимого, но даже отсюда ощущалась

её чужеродность — не закат, не отсветы далёкого пожара. Цвет был густой, почти живой, и он пульсировал, будто там, под низкими облаками, дышало что-то огромное.

— Скоро ляжет... — прошелестела женщина, и не поймёшь было — ему сказала или себе самой. — Господи, помилуй.

Алексей сунул блокнот в карман и решительно зашагал к двухэтажному дому с вывеской «Гостиница Приозёрная». Пальцы привычно нащупали в рюкзаке портативный анемометр. В голове уже выстраивались графики, расчеты точки росы, розы ветров. Он заставил сердце биться ровно, игнорируя противный холодок в груди. Это всего лишь атмосферный эффект. Влажность, примеси, рефракция. Никакой чертовщины.

У крыльца гостиницы он обернулся. Багровая дымка на горизонте сгущалась, становясь ярче, и на миг ему почудилось, что посреди неё дрогнул тёмный провал — словно приоткрылось гигантское око, лишённое век. Моргнув, он отогнал наваждение. Стекло в окнах гостиницы запотело, и в нём отразилось лишь его собственное бледное лицо.

Алексей потянул тяжёлую дверь на себя. Где-то вдалеке, над Гнилым озером, беззвучно начала разливаться алая пелена, и Затонск притих, затаил дыхание в ожидании первого касания красного тумана.

Вестибюль встретил его запахом пыльных портьер и застоявшегося табачного дыма. Под ногами скрипнули половицы, и где-то в глубине дома хрипло пробили напольные часы — шесть вечера, время, когда сумерки здесь уже становятся ночью. Дежурный администратор, пожилой мужчина с багровыми прожилками на носу, молча пододвинул к нему потрёпанный журнал для регистрации, не проронив ни слова. Ключ от номера лёг на стойку с тем же унылым стуком, с каким, наверное, кладут монету на крышку гроба.

Именно тогда Алексей и заметил её. Женщина сидела в углу холла, на продавленном бархатном кресле у окна, и, казалось, была частью этого помещения — такая же выпцветшая и замершая. На вид ей было около тридцати, но глаза, обведённые серыми тенями бессонницы, выдавали возраст, который меряют не годами, а пережитыми днями. Она не читала, не пила чай, просто сидела, сцепив руки на коленях, и смотрела прямо на Алексея. В этом взгляде не было простого любопытства — в нём светилось лихорадочное, почти голодное ожидание.

— Вы ведь Алексей Кравцов, — произнесла она, поднимаясь. Голос звучал глухо, как надтреснутое стекло. — Мне сказали... на станции. Вы учёный. Метеоролог.

Алексей нахмурился. В Затонске он находился меньше часа, а слухи, похоже, ползли быстрее любого тумана.

— Допустим. С кем имею честь?

— Анна Ветрова. — Она шагнула ближе, выхватив лицом полосу света от настольной лампы. Кожа была бледной до прозрачности, а на шее билась тонкая жилка. — Моя сестра... Лиза. О ней вам уже сказали на станции, я знаю. Смотритель всегда предупреждает приезжих, но не помогает. Никто не помогает.

Администратор за стойкой вдруг закашлялся и спешно отвернулся, уткнувшись в газету. Алексей заметил это, и в груди шевельнулось неприятное чувство — так бывает, когда посторонние знают о происходящем больше, чем ты, и сознательно умалчивают.

— Лиза Ветрова, — медленно повторил он, вспоминая слова старика с фонарём. — Мне сказали, она пропала. Две недели назад. Примите мои соболезнования, но я не следователь, я изучаю атмосферные явления.

— И их тоже. — Анна резким движением развязала тесёмки холщовой сумки, которую прижимала к себе, как спасательный круг. — Лиза приехала сюда за тем же, за чем и вы. Рисовала графики, смотрела на небо. А потом... она начала видеть то, чего нет.

Она вытащила предмет, завернутый в кусок плотного льна, и почти силой вложила его в руки Алексея. Ткань скользнула вниз, и он ощутил под пальцами жёсткий картон обложки. Дневник. Небольшой, но толстый, с загнутыми уголками и пятнами воска на обложке.

— Что это?

— Её записи. Последние две недели перед тем, как... — Анна запнулась, сглотнула комок, пересохший и острый. — Перед тем, как пришёл красный туман. Она твердила о каком-то «Красном Оке». Рисовала спирали — везде, даже на стенах комнаты, где её поселили. Смотрела в одну точку и смеялась. Я думала — переутомление. А потом туман поглотил её. Прямо с улицы, среди бела дня. Тело не нашли, будто его и не было.

Алексей машинально раскрыл дневник. Страницы пахли плесенью и сухими травами. Строчки прыгали — почерк Лизы был то убористым, то размашистым, словно она писала в разных состояниях. Но внимание приковали рисунки. Одинаковые, повторяющиеся спирали, закрученные внутрь, к центру — туда, где вместо точки всегда стояло жирное пятно, похожее на зрачок. Под одной из спиралей дрожащими буквами было выведено: «Оно смотрит из Красного Ока. Когда туман ляжет, Око откроется снова».

— Красное Око... — прочитал он вслух, и собственный голос показался ему неуместно громким.

— Она была уверена, что туман — живой, — прошептала Анна, наклоняясь ближе. Запахло лавандой и горьким страхом. — Что он не приходит сам, а его... вдыхает. Что-то из-под озера. Я знаю, это звучит как бред. Но я тоже видела его, господин Кравцов. Прошлый туман. Видела, как он ползёт, словно выбирает путь. А Лизу он выбрал. И сегодня... — она бросила взгляд в окно, за которым багровый край уже наползал на верхушки елей. — Сегодня он вернётся. Я чувствую.

Алексей сжал переносицу. Профессиональный скепсис приказывал ему вернуть дневник, извиниться и запереться в номере с приборами. Но пальцы уже переворачивали страницу за страницей, впитывая болезненные каракули, обрывки фраз о «звуке», который слышит не ухо, а кости, о цвете, который не встречается в природе, о глубокой пустоте под водой.

— Почему вы обратились ко мне? — тихо спросил он. — Здесь наверняка есть полиция, МЧС...

— Полиция списала на несчастный случай и бегство, — отрезала Анна, и в её глазах на миг вспыхнул стальной огонёк. — А МЧС... двое спасателей, что ходили к озеру, вернулись седыми и больше не сказали ни слова. Вы первый за два месяца, кто приехал не с Библией, а с инструментами. Разгадайте её записи. Поймите, что она видела. Пока туман снова не лёг, пока он... не забрал кого-то ещё.

Где-то далеко, за лесом, глухо ухнуло, и стёкла в окнах тихонько зазвенели. Администратор торопливо начал гасить лампы, бормоча что-то себе под нос. Анна вздрогнула и вцепилась в рукав Алексея.

— Завтра будет поздно. Я знаю, вы мне не верите. Но прошу... просто прочтите. Вслух.

Он хотел ответить — что именно сейчас начнётся исследование, что нужно разложить приборы, снять показатели. Но вместо этого медленно опустился в кресло напротив окна, где багрянец уже начал разъедать черноту горизонта. Поднёс дневник к лицу и, чувствуя, как в висках нарастает странное давление, начал читать. Анна замерла рядом, сложив руки на груди, как перед иконой.

А за стеклом, без единого звука, первые щупальца тумана цвета запёкшейся крови отделились от стены леса и поползли по мёрзлой земле к городу.

Вскоре он уже запирал дверь номера, не включая верхнего света — хватило и тусклой лампочки в изголовье, бросавшей на обшарпанные обои колеблющийся янтарный круг. Дневник Лизы лёг на тумбочку, раскрытый на той самой странице со спиралью, уходящей в чёрную точку. Слова всё ещё ворочались в голове, отказываясь раскладываться по полочкам логики. Он заставил себя разложить приборы: барометр, анемометр, портативный анализатор частиц — хрупкий набор доказательств, что мир подчиняется законам физики, а не бреду исчезнувшей девушки.

За окном царил та особенная тишина, какая бывает только перед грозой или чудовищным атмосферным выбросом. Он выглянул на улицу. Фонарь у гостиницы мигнул и погас, оставив мир во власти тьмы, но тьма эта была неполной. По краю леса разливалось свечение — глухое, багровое, словно где-то за горизонтом открыли дверь в плавильную печь. Туман приближался неспешно, как живое существо, знающее, что жертве некуда бежать.

Алексей сел на скрипучую кровать, расстегнул ворот рубашки — духота внезапно стала невыносимой, хотя батареи были едва тёплыми. Он заставил себя сделать несколько записей в блокноте: «21:47. Видимость падает. Атмосферное давление нестабильно. Наблюдается аномальное свечение в диапазоне...» Ручка замерла. Он не знал, в каком диапазоне. Он вообще уже ни в чём не был уверен.

Первая струйка тумана просочилась сквозь щель в оконной раме, как вода находит трещину в корпусе тонущего корабля. Алексей поднял голову и замер. Это не было диффузией газа или обычной аэрозолью. Багровая взвесь двигалась против сквозняка — медленно, осмысленно, закручиваясь в тонкие волокна, которые тянулись к центру комнаты, словно искали кого-то. Запахло влажным железом и сладковатым тленом, тем самым, что преследовал его кошмары последний год.

Он попытался встать, но ноги внезапно отказали — не от страха, а от того, что воздух вокруг стал плотным, как вода на глубине. Паника ещё не проросла, но где-то под рёбрами уже завозилось холодное осознание неправильности происходящего. Туман клубился посреди комнаты, уплотняясь в кокон высотой в человеческий рост, и в этом коконе проступили очертания. Плечи, шея, спадающие на грудь волны тёмных волос.

Катерина.

Имя вонзилось в сознание раскалённой иглой. Она стояла перед ним — не размытый образ, не фотография, а живая плоть, сотканная из багровой дымки, но безупречно реальная. Тот же наклон головы, чуть склонённый к левому плечу, те же тонкие пальцы, которыми она вечно заправляла прядь за ухо. На ней было то самое белое платье в мелкий цветочный узор, в котором она была в день аварии, когда мокрый асфальт превратил их машину в грудку смятого металла. Только сейчас подол платья не был запачкан кровью — он плавно колыхался, словно под водой, и багровый свет играл на ткани, делая цветы похожими на распускающиеся раны.

— Катя... — выдохнул он, не узнав собственного голоса — севшего, ломкого, как сухая ветка.

Она не ответила. По её щекам текли слёзы — беззвучно, непрерывно, капли срывались с подбородка и исчезали в тумане, не долетая до пола. В её глазах, которые он помнил до мельчайших оттенков карего с золотыми искрами, сейчас стояла та самая мольба, что снилась ему каждую ночь у больничной койки, когда врачи ещё боролись, а он уже знал. Она смотрела на него и плакала, и в этом плаче не было укора — только бесконечная тоска, вязкая, как сама смерть.

Губы её приоткрылись. Она не произнесла ни звука, но Алексей услышал. Не ушами — чем-то глубже, под черепной коробкой: «Идём со мной. Там нет боли. Идём».

Она подняла руку — ту, на которой всё ещё блестело тонкое обручальное кольцо, чей близнец сейчас охлаждал палец самого Алексея — и поманила его к себе. Жест был тем самым, знакомым до дрожи, каким она звала его с кухни, когда заваривала чай, или махала с платформы, встречая из командировки. Только сейчас за её спиной разверзлась пустота. Окно, стена, сам воздух истончились, и сквозь них проступила серая бесконечность — не тьма, а именно ничто, не имеющее ни дна, ни направления.

Тело Алексея стало чужим. Он чувствовал, как мышцы каменеют, наливаясь свинцом, а сердце, наоборот, колотится где-то у горла, пытаясь разорвать грудную клетку. Разум кричал ему, что это мираж, ловушка, что нужно задержать дыхание, схватить приборы, зафиксировать показатели — но перед глазами стояла Катерина, его Катя, которую он год назад собственными

руками опускал в мёрзлую землю. Запах её духов — лаванда и что-то цитрусовое — пробился даже сквозь металлическую вонь тумана, и это сломало в нём последний барьер.

— Я не могу... — прохрипел он, и слёзы, такие же беззвучные, как у неё, потекли по его щекам. — Я не могу, Катя. Ты же не... ты не...

Она сделала шаг назад, в серую пустоту, и туман за её спиной начал закручиваться воронкой. Рука, протянутая к нему, не опускалась. В глазах мелькнуло отчаяние — или это ему почудилось? Кольцо на её пальце вспыхнуло алым, отразив несуществующий свет. Воздух в комнате стал ледяным, и Алексей увидел, как из его собственных губ вырывается пар. Ноги сами собой шагнули вперёд — он не управлял ими, он просто больше не мог сопротивляться зову, который был сильнее инстинкта самосохранения.

Туман обхватил его щиколотки, пополз выше, лаская и обездвиживая одновременно. Катерина ждала. Её платье, её волосы, её слёзы — всё было настоящим, абсолютно настоящим в этом море багряной лжи. И где-то на самом краю гаснущего сознания Алексей понял, что если сделает ещё шаг, то уже не вернётся. Но самое страшное заключалось в другом: он не был уверен, что хочет вернуться.

Дверь распахнулась с такой силой, что жалобно хрустнула щеколда, но он не услышал — он был уже по ту сторону реальности, где запах лаванды перебивал даже тлен, а рука Катерины тянулась к его груди. Анна замерла на пороге лишь на секунду, вбирая в себя картину: комната, полная багровой взвеси, мужчина с остекленевшими глазами, шагнувший к окну, которого больше не было, и женский силуэт, сотканный из дыма и слёз. Она не закричала — крик здесь был бы бесполезен, как молитва в мёртвом храме. Вместо этого она ринулась вперёд, прямо сквозь туман, который почему-то расступался перед ней, словно нехотя, не касаясь кожи.

— Кравцов! — её голос прозвучал хлётко, как пощёчина. — Не смей!

Она схватила его за плечи и рванула на себя, с усилием, на которое способен только человек, уже терявший близких и знающий цену секунды. Тело Алексея было неестественно тяжёлым, будто туман уже наполнил его чем-то чуждым, но Анна вцепилась мёртвой хваткой и поволокла его прочь от серой пустоты, сочащейся из распахнутого в никуда окна. Каблук её ботинка зацепился за край ковра, она пошатнулась, но не выпустила его, и вместе они рухнули на пол, подальше от зияющей бездны.

В тот же миг видение дрогнуло. Катерина открыла рот, словно в беззвучном крике, но черты её поплыли, размазались, как акварель под ливнем. Туман заколыхался, уплотнился в последний раз и схлопнулся, втянувшись обратно в оконную раму, оставив после себя лишь ржавый налёт на стекле и обжигающий холод. Алексей судорожно вздохнул, как утопленник, которого вытащили из воды в последний миг. Зрачки его, расширенные и безумные, медленно сфокусировались на лице Анны, склонившейся над ним.

— Ты зачем... — прохрипел он, ещё не понимая, жив ли, и звук собственного голоса показался ему чужим. — Я видел... я видел Катю. Она была здесь, взаправду.

— Знаю, — тихо ответила Анна, отпуская его плечи и тяжело садясь на пятки. Её трясло, но взгляд оставался ясным, почти сердитым. — Я тоже её видела. На секунду, когда вошла. И знаешь что? Она не была твоей женой. Это был слепок из твоей головы. Туман лезет в память, в самое больное место, и достаёт оттуда то, от чего ты не сможешь отвернуться. Он питается этим.

Алексей приподнялся на локте, прижимая ладонь к груди, где всё ещё колотилось сердце. Перед глазами стоял образ Катерины, её умоляющие глаза, но теперь он накладывался на слова Анны, и что-то внутри него с хрустом переламывалось.

— Откуда ты... откуда знаешь? — спросил он, вглядываясь в её лицо.

Она отвернулась, подтягивая к себе сумку, валявшуюся у двери. Тусклый свет лампы упал на её руки — пальцы были сбиты в кровь, словно она до этого колотила в чью-то запертую дверь.

— Потому что Лиза была не первой. И я тоже видела. Два тумана назад я стояла на этом самом месте и видела маму. Она звала меня в озеро, говорила, что на дне тепло и тихо. Я почти пошла, но... что-то меня удержало. Может, то, что я с детства не умею спать на ходу. У меня лунатизм был, и врачи говорили — нетипичное строение сна. Только теперь я поняла: это защита. Туман не может меня усыпить до конца. А вот всех остальных — может.

Она вытащила из сумки дневник Лизы — тот самый, что Алексей оставил на тумбочке, но который теперь почему-то лежал на полу, раскрытый на странице с большой спиралью, обведённой красным. Видимо, пока он боролся с наваждением, книга выпала, и страницы сами собой легли так, чтобы их увидели. Или это было не само.

— Смотри, — Анна придвинулась ближе, указывая на угол страницы, где мелким, почти нечитаемым почерком были нацарапаны цифры. — Я раньше не замечала. Лиза всё время твердила про «источник дыхания». Я думала — это её фантазия, метафора. Но это координаты.

Алексей, ещё нетвёрдой рукой, взял дневник, поднёс к глазам. Цифры и вправду были: широта и долгота, записанные впопыхах, как будто Лиза боялась забыть. А чуть ниже — схематичный рисунок, где из стилизованного озера поднималось облако, а стрелка вела к квадрату с подписью «Метеостанция № 7. Источник дыхания».

— Заброшенная метеостанция, — прошептал он, и в голосе его смешались ужас и азарт учёного, наткнувшегося на необъяснимую аномалию. — Я видел её на карте. Она стоит на мысу, прямо над Гнилым озером. Её закрыли ещё в восьмидесятых, якобы из-за оползней. Если туман идёт оттуда...

— То не из озера, — закончила Анна. — Из-под земли.

На несколько секунд в комнате повисла тишина, наполненная лишь их неровным дыханием и далёким воем ветра, который гонял по улицам остатки багряной дымки. За окном начало сереть — туман уходил так же внезапно, как пришёл, оставляя на подоконнике бурые разводы и ощущение совершенной, выпотрошенной пустоты.

— Ты пойдёшь туда? — спросила Анна, не глядя на него. — Или уедешь утренним поездом, как все?

Алексей закрыл дневник, провёл пальцами по шершавой обложке. Где-то там, на метеостанции, пульсировало то, что только что едва не выпило его душу через образ самого дорогого человека. А ещё там, возможно, оставался след Лизы, девчонки, которая рисовала спирали и разговаривала с пустотой. И туман, который теперь знал его боль в лицо.

— У меня счёт к этому туману, — произнёс он глухо. — Показывай дорогу.

Анна кивнула, и в её глазах, наконец, промелькнуло что-то похожее на надежду — хрупкую и опасную, как первый луч солнца над заражённой землёй. Они ещё не знали, что именно спит под старой метеостанцией, но оба чувствовали: следующей ночью Красный Туман вернётся, и второго шанса у них не будет.

Рассвет они встретили уже на ногах — робкий, словно сам боящийся того, что увидит. Солнце поднималось мутным пятном за серой пеленой, и лучи его, пробиваясь сквозь остаточную дымку, окрашивали всё в грязно-жёлтые тона. Алексей вышел на крыльцо гостиницы и замер. Город выглядел так, будто переболел тяжёлой лихорадкой. На стенах домов, на заборах, на асфальте — повсюду расползся ржавый налёт, тонкий, но въедливый, похожий на окислившуюся кровь. Он покрывал стёкла окон, делая их мутными, как бельма, и оставлял бурые потёки на водосточных трубах. Даже воздух был пропитан этим запахом — кисловатым, металлическим, с привкусом старого погреба.

Анна стояла чуть поодаль, кутаясь в серый плащ, и смотрела на площадь. Там уже собралась кучка людей — местные жители, хмурые, с опухшими от бессонницы лицами. Они переговаривались вполголоса, но отдельные слова долетали до Алексея, как хлопки далёких выстрелов: «...Петрович не вернулся...», «...и Митяя тоже нет, лодка на берегу, а его самого...»,

«...третий раз за месяц, Господи...». Двое. Ещё двое пропали этой ночью. Алексей зачем-то достал блокнот, но тут же убрал его обратно — статистика здесь больше не имела смысла.

— Старый лесник, — негромко произнесла Анна, всё ещё не поворачивая головы. — Илья Русаков. Живёт на отшибе, у Гнилой протоки. Он единственный, кто здесь знает что-то, чего не пишут в отчётах. Если Лиза была права про «источник дыхания»... то он расскажет, откуда оно взялось.

— Лесник? — Алексей нахмурился. — Ты думаешь, народные байки помогут больше, чем приборы?

— Приборы тебя вчера чуть не убили, — напомнила она, и в голосе её не было упрёка, только сухая констатация факта. — Или ты уже забыл?

Он не забыл. Лаванда и цитрус всё ещё прятались в складках одежды, и каждый вдох отдавался тупой болью под рёбрами. Он кивнул, и они двинулись по разбитой просёлочной дороге, ведущей прочь из города, туда, где ели смыкались над тропой тёмным сводом.

Дом лесника вырос перед ними внезапно — не дом даже, а приземистый сруб с замшевой крышей и единственным окошком, в котором горел неяркий, живой огонёк. Вокруг, на вбитых в землю кольях, висели пучки сушёных трав и какие-то тёмные корни, похожие на скрюченные пальцы. Дверь отворилась до того, как Алексей успел постучать. На пороге стоял старик — высокий, жилистый, с седой бородой до середины груди и глазами такого блёклого, выцветшего голубого цвета, какой бывает у зимнего неба перед метелью. Руки его, покрытые сеткой вен и старческих пятен, держали глиняную кружку, от которой поднимался пар с горьковатым травяным запахом.

— Долго шли, — произнёс он вместо приветствия. Голос оказался глубоким, с хрипотцой, но ясным. — Я уж думал, не дойдёте. Туман вас ночью попробовал на зуб? По вам видно.

Анна шагнула вперёд, и старик перевёл взгляд на неё. Что-то промелькнуло в его лице — узнавание, смешанное с горечью.

— Ветрова-младшая, — сказал он тихо. — Лиза твоя тоже ко мне приходила. За три дня до того, как сгинула. Всё про Красное Око спрашивала, про то, что под озером лежит. Я ей сказал, что знал. Думал, может, уберегу. Не уберёг.

— Расскажите нам, — голос Анны дрогнул, но она справилась. — Всё, что ей рассказали. И больше, если знаете.

Илья Русаков посторонился, пропуская их внутрь. В доме пахло сушёной полыньёю, дымом и ещё чем-то древним, как в церкви, где веками жгли лампы. На стенах висели пожелтевшие карты, связки оберегов и старый, поржавевший топор с выжженными на рукояти знаками — не буквами, а символами, похожими на те спирали, что рисовала Лиза. Старик опустился на лавку, жестом предложил гостям сесть напротив и долго молчал, глядя в огонь печи, прежде чем заговорить.

— Гнилое озеро, — начал он, — всегда было нечистым. Ещё прадеды мои знали: там, на дне, спит Красный Змей. Не змей в смысле гадюки, а в старом понимании — дух, ящер, порождение земли-матушки, что старше любого человека. Раз в сто лет он поворачивается во сне, и тогда дыхание его поднимается из глубины, стелется над водой, ползёт к людям. Дыхание это — не пар, не дым. Оно как живое. Принимает облик тех, кого ты любил и потерял. Манит, зовёт. И те, кто поддаётся, уходят в озеро. Не телами — душами. А Змей питается этим. Наберётся сил — и снова спит.

Алексей слушал, и в нём боролись два человека: скептик, привыкший мерить мир приборами, и тот, кто прошлой ночью видел Катерину и едва не шагнул в серую пустоту. Второй сейчас перевешивал, и от этого было не по себе.

— Лиза, — продолжал старик, — сказала, что слышит его. Не ушами — вот тут. — Он коснулся груди, там, где сердце. — Говорила, что Красное Око — это не легенда, а реальное место под станцией. Что там проходит какой-то разлом, и через него Змей дышит чаще, чем

раз в сто лет. Что люди сами его разбудили, сами научили просыпаться. Она была упрямая, твоя сестра. Взяла приборы и пошла туда. Одна. Говорила — надо замерить дыхание.

Старик замолчал, и в тишине слышно было только, как потрескивают дрова в печи. Анна сидела, опустив голову, и по щеке её скатилась одинокая слеза, которую она тут же стёрла быстрым, злым движением.

— А что с теми, кто пропал сегодня? — спросил Алексей. — И в прошлые разы? Они... утонули?

— Нет, — Илья покачал головой. — Их тела иногда находят. На берегу, или в лесу. Но внутри они пустые. Как оболочка, из которой вынули всё содержимое. Врачи говорят — остановка сердца. Только сердце-то у них целое. А души нет. Змей её выпил.

Он поднялся, подошёл к окну и долго всматривался в серую муть за стеклом.

— Сегодня ночью он снова дышал. Значит, скоро проснётся окончательно. И тогда никакой туман не понадобится. Он выйдет из озера сам.

Алексей переглянулся с Анной. В её глазах стоял тот же вопрос, что бился сейчас и в его голове: что именно делали на метеостанции и почему древний дух, если он существовал, вдруг начал просыпаться каждые две недели, а не раз в столетие? И что успела узнать Лиза перед тем, как исчезнуть?

— Покажите на карте, где именно находится станция, — попросил Алексей, и голос его прозвучал твёрже, чем он сам ожидал.

Старик обернулся, долго смотрел на него, потом на Анну, и в выцветших глазах мелькнуло что-то похожее на уважение, смешанное с жалостью.

— Покажу, — кивнул он. — Только учти, парень: те, кто туда ходят, обратно не всегда возвращаются. А если возвращаются — то не совсем теми, кем были.

Он достал с полки свёрнутый в трубку пожелтевший лист, и пока разворачивал его, снаружи начал накрапывать дождь — мелкий, въедливый, смешанный с остатками ржавого налёта, что ещё висел в воздухе. Капли забарабанили по стеклу, оставляя бурые разводы, и звук этот походил на чей-то далёкий, нетерпеливый стук.

Обратную дорогу до города они проделали почти бегом, подгоняемые не столько дождём, сколько липким, не отпускающим чувством, что время утекает сквозь пальцы. В гостиничном номере пахло сыростью и вчерашним туманом — ржавый налёт так и не сошёл с подоконника, сколько его ни тёрли. Алексей расстелил на кровати карту, полученную от лесника, прижал углы книгами и пустой кружкой из-под чая, и склонился над ней, близоруко шурясь. Анна стояла у окна, скрестив руки на груди, и наблюдала, как его пальцы водят по линиям горизонталей, высчитывая, сравнивая, сопоставляя.

— Вот, смотри, — произнёс он наконец, и голос его зазвучал глухо, как у человека, который только что обнаружил трещину в фундаменте собственного мировоззрения. — Я всю прошлую неделю собирал сводки. Направление ветра, влажность, скорость распространения тумана. Обычный аэрозоль ведёт себя предсказуемо: он движется туда, куда дует ветер. А здесь... здесь всё наоборот.

Он достал из рюкзака потрёпанный блокнот с графиками, раскрыл на странице, где столбики цифр были обведены красным — тем самым цветом, который уже начал ему сниться.

— В день исчезновения Лизы ветер был юго-западный. По всем законам физики туман должен был уйти в сторону леса, на северо-восток. Но он пополз на юг. Прямо на город. Прямо на то место, где она стояла. А прошлой ночью — смотри: ветер дул с озера, с северо-запада. Туман же пришёл с востока. Он двигался против ветра, Анна. Против.

Она медленно подошла к столу, вглядываясь в его расчёты. Цифры были аккуратными, выверенными — почерк человека, который привык доверять только тому, что можно измерить. Но сейчас эти цифры говорили о невозможном.

— Ты хочешь сказать, что туман... сам выбирает направление?

— Я хочу сказать, что он не расползается хаотично, — Алексей взял карандаш и провёл на карте несколько линий, расходящихся из одной точки. Все они сходились на одном и том же квадрате — мысу, вдающемся в Гнилое озеро, где значилась едва заметная пометка «МС-7». — Вот. Каждое появление тумана за последние два месяца. Я наложил данные из интернета, из местных газет, из рассказов того же зрителя. Знаешь, что получается? Эпицентр всегда один. Старая метеостанция.

Анна провела пальцем по сходящимся линиям, и рука её дрогнула.

— Как раз туда и собиралась Лиза, — прошептала она. — Но лесник сказал... он сказал, что это дыхание Змея. Что оно из-под воды. А не из-под земли.

— Илья Романович верит в легенды, — Алексей покачал головой, но в голосе его не было прежней уверенности. — А я верю в факты. И факты говорят: что-то под станцией генерирует эти выбросы. Не исключено, что это природный газ, галлюциноген, выходящий через разлом. Люди вдыхают его, видят кошмары, пропадают. Никакой мистики.

— Кроме того, что он движется против ветра, — тихо добавила Анна.

Повисла пауза. За окном снова начало смеркаться — день в Затонске был короток, как вдох перед прыжком в ледяную воду. Где-то далеко, над лесом, снова замаячила багровая полоса, едва заметная, но уже знакомая до тошноты. Алексей бросил на неё взгляд и решительно начал собирать карту.

— Если мы пойдём сейчас, до темноты успеем добраться до станции, — сказал он, застёгивая рюкзак. — Там на месте разберёмся, что это: природный феномен или...

— Или? — Анна вскинула бровь.

— Или что-то ещё, — закончил он уклончиво. — Ты идёшь?

— А ты думал, я тебя одного отпущу? — в её голосе прозвучал вызов, приправленный горечью. — Там, на станции, может быть след Лизы. Может, она оставила что-то, что вы её не нашли. Я не верю, что она просто растворилась. Не в этом мире.

Алексей кивнул, закидывая рюкзак на плечо. У двери он на секунду задержался, бросив последний взгляд на карту. Линии, сходящиеся к метеостанции, напоминали теперь не научный график, а паутину, в центре которой затаилось нечто терпеливое и голодное. А за окном, наливаясь алым, разгорался закат — или то, что в Затонске давно уже перестали называть закатом.

— До темноты мы должны быть внутри, — сказал он. — Ночью я не хочу встречаться с тем, что ползёт из этих разломов.

Анна накинула плащ и вышла первой. Лестница скрипела под их шагами, словно жалуясь на незваных гостей. Спускаясь, Алексей вдруг поймал себя на мысли, что впервые за много лет ему страшно. Не за себя — за неё. И ещё за то, что правда, ждущая их на старой метеостанции, может оказаться куда страшнее любых легенд.

Сумерки накрыли лес стремительно, словно кто-то опрокинул над верхушками елей чашу с разведённой сажей. Тропа к метеостанции давно заросла, и теперь они продирались сквозь мокрый папоротник, цепляющийся за ноги, и колючий кустарник, оставляющий на одежде длинные рваные борозды. Анна шла первой — она знала эти леса с детства и двигалась с уверенностью человека, которому не нужны карты, чтобы найти дорогу к месту, где оборвалась нить её сестры. Алексей следовал за ней, стараясь не думать о том, как быстро тает за деревьями остаток дневного света.

Здание метеостанции выступило из тумана внезапно — приземистый бетонный куб с выбитыми окнами и покосившейся метеовышкой, похожей на скелет гигантской птицы. Даже с расстояния в полсотни шагов было видно, что место это мёртвое, оставленное людьми много лет назад. Вокруг валялись ржавые бочки, обломки оборудования, истлевшие доски. И тишина — глубокая, неестественная тишина, в которой не пели птицы и не шуршали в траве мел-

кие зверьки. Только ветер посвистывал в пустых глазницах окон, выводя какую-то тоскливую, однообразную ноту.

— Ни души, — прошептала Анна, останавливаясь у покосившейся ограды. — Ни души, и всё же...

— Что? — Алексей поправил ляжку рюкзака, вглядываясь в тёмные провалы окон.

— Здесь кто-то был. Недавно.

Она указала на землю. В грязи, у самого входа, отпечатались следы автомобильных шин — свежие, ещё не размытые дождём. Следы вели к задней части здания, туда, где в стене темнел проём, заложённый гофрированным железом. На первый взгляд, обычная хозяйственная пристройка, но Алексей, приблизившись, заметил то, что заставило его сердце на мгновение сбиться с ритма. За железным листом, прикрытым для маскировки, угадывалась дверь — тяжёлая, металлическая, с современным кодовым замком. Ни ржавчины, ни паутины. Ею пользовались постоянно.

— Это не восьмидесятые, — пробормотал он, проводя пальцами по холодному металлу. — Это даже не двухтысячные. Замок швейцарский, модель «Цюрих-9». Я такие видел на закрытых объектах в Арктике.

— Но сюда никто не ездит, — Анна нахмурилась. — Я спрашивала у лесника. Он сказал, после закрытия станции тут даже грибники не появляются. Говорят, место проклятое.

— Значит, либо у проклятия есть бюджет на швейцарские замки, либо... — он осёкся, потому что замок вдруг тихо пискнул, и на панели загорелся зелёный огонёк. Дверь открылась сама.

Из проёма пахло сухим, кондиционированным воздухом и слабым запахом озона. За дверью обнаружился не склад и не подвал, а гладкий бетонный коридор, освещённый холодным люминесцентным светом. Стены, пол, потолок — всё было стерильно-чистым, словно в операционной. А в конце коридора, мягко гудя, ждала кабина лифта.

Анна переглянулась с Алексеем. В её глазах стояла тревога, смешанная с лихорадочным любопытством. Он молча кивнул, и они шагнули внутрь. Дверь за ними закрылась сама, без единого звука. Кабина поехала вниз, отсчитывая этажи, которых по всем законам логики здесь быть не могло.

Лифт остановился, створки разъехались, и навстречу им шагнули двое в чёрной униформе без знаков различия. Движения их были выверенными, профессиональными, а лица — пустыми, как у людей, давно привыкших не задавать вопросов. Один из них молча указал вперёд, туда, где коридор расширялся в просторное помещение, заставленное стойками с мониторами и приборами. В воздухе висел ровный гул серверов и приглушённый писк датчиков.

А посреди этого подземного царства, спиной к вошедшим, стоял человек в белом халате. Он обернулся не сразу — сначала закончил изучать какой-то график на экране, сделал пометку в планшете и только потом удостоил гостей взглядом. Лет шестидесяти, сухощавый, с залысинами на высоком лбу и тонкими, плотно сжатыми губами. Очки в тонкой золотой оправе сидели на носу с той особой точностью, какая бывает только у людей, привыкших видеть то, что скрыто от других.

— Господин Кравцов, — произнёс он сдержанно, без удивления. — И Анна Владимировна Ветрова. Вы предсказуемо оперативны, должен признать. Обычно приезжие бродят по лесу до утра, а вы сразу сюда. Похвально.

Алексей почувствовал, как кровь приливает к вискам.

— Вы следили за нами, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Кто вы?

— Профессор Горин, — человек в халате чуть склонил голову, словно представлялся на научном симпозиуме. — Руководитель этого объекта. Добро пожаловать на станцию «Глубинного атмосферного мониторинга». Именно так, а не «Метеостанция № 7». Старая вывеска — для отвода глаз. Присаживайтесь, разговор предстоит долгий.

Он указал на кресла у длинного стола, заваленного распечатками и схемами. Охранники остались у дверей, застыв безмолвными статуями. Алексей не сел. Анна тоже осталась стоять, и Горин, заметив это, позволил себе тонкую, как лезвие, улыбку.

— У вас, полагаю, много вопросов. Начну с главного: красный туман — не древнее проклятие и не дыхание мифического змея. Это результат нашей работы. Мы синтезировали психоактивный аэрозоль, способный влиять на сознание человека, вызывать направленные галлюцинации и, в перспективе, управлять поведением масс. Легенда о Красном Змее была нами же бережно поддержана и распространена. Очень удобно, когда местные жители боятся даже смотреть в сторону озера.

Он говорил спокойно, даже буднично, как читал лекцию в университетской аудитории. Анна побледнела так, что веснушки на её щеках проступили отчётливее.

— Вы... Вы убили Лизу, — голос её сорвался на полусёпот. — Вы убили её своим аэрозолем.

Горин поправил очки и вздохнул. На миг в его глазах промелькнуло что-то похожее на досаду, но не на раскаяние.

— Нет, — ответил он, и в голосе его впервые прорезалась нота, которую Алексей не сразу распознал. — В том-то и дело, что нет. Лиза Ветрова сама вошла в эпицентр выброса. Мы её не похищали, не убивали. Она... растворилась. Как будто туман узнал её, принял за свою. Как будто что-то в глубине откликнулось именно на неё.

Повисла тишина, тяжёлая, как вода в Гнилом озере. Алексей смотрел на профессора и впервые за всё время чувствовал, что тот боится. Не их с Анной — нет. Чего-то другого. Того, о чём он пока не сказал ни слова.

Тогда Алексей шагнул вперёд, заслоняя Анну плечом, и голос его прозвучал как удар металла о металл — без дрожи, без колебаний.

— Вы лжёте. Вы похитили Лизу, потому что она подошла слишком близко к правде. А теперь пытаетесь замести следы сказками про «растворилась». Вы держите здесь людей, травите их своим аэрозолем, а тех, кто не поддаётся, просто убираете. Я видел ржавый налёт на стенах домов. Я видел пустые глаза тех, кто вернулся с озера. И я видел свою мёртвую жену, которая звала меня в могилу. Это не наука. Это оружие. И вы за него ответите.

Горин снял очки, медленно протёр стёкла краем халата, и в этом жесте было что-то ритуальное, почти старческое. Когда он снова поднял глаза на Алексея, в них читалась не злоба и не страх перед разоблачением, а та особая, глубокая усталость, какая бывает у людей, слишком долго нёсших бремя невысказанной правды.

— Вы хотите правосудия, Алексей Сергеевич? — спросил он тихо, впервые назвав его по отчеству. — Извольте. Я покажу вам правосудие. Такое, какое вы не найдёте ни в одном уголовном кодексе.

Он повернулся к пульту и нажал несколько клавиш. На большом экране, занимавшем половину стены, развернулась запись. Камера наблюдения, судя по ракурсу — одна из тех, что висела снаружи, у входа на станцию. Время в углу экрана показывало дату двухнедельной давности и 23:47. Туман уже клубился по земле, затягивая кадр багровой пеленой, но фигуру у двери было видно отчётливо. Девушка в светлой ветровке, с рюкзаком за плечами, стояла лицом к объективу, и даже сквозь зернистость записи угадывались черты, очень похожие на Аннины — тот же упрямый подбородок, те же разлёты бровей.

— Лиза, — выдохнула Анна и схватилась за край стола, словно у неё подкосились ноги.

На экране девушка не пыталась войти внутрь. Она стояла неподвижно, запрокинув голову к небу, и губы её шевелились — она говорила. С кем? Никого рядом не было. Туман сгустился вокруг неё, окутывал плечи, оплетал ноги, но она не убегала. Хуже того — она улыбалась. А потом случилось то, от чего Алексей почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Туман вокруг Лизы начал закручиваться — не хаотично, а упорядоченно, словно подчиняясь

невидимой воронке. Девушка раскинула руки, как для объятия, и сделала шаг. Один. Потом второй. И на третьем шаге её фигура стала истончаться, терять плотность, пока не превратилась в сгусток багрового света, который втянулся в центр воронки и исчез. Камера ещё несколько секунд транслировала пустой двор, затянутый дымкой, а потом запись оборвалась.

Горин выключил экран и повернулся к ним. Лицо его посерело.

— Мы не прикасались к ней, — произнёс он глухо. — Я отправил группу, как только сработали датчики. Но они ничего не нашли. Вообще ничего. Даже следов на земле. Лиза Ветрова вошла в самую сердцевину выброса, в «Красное Око», как она сама его называла в своём дневнике. И туман принял её. Не убил — именно принял. Растворил в себе, как каплю чернил в стакане воды.

— Вы лжёте, — повторила Анна, но голос её надломился. — Это ваш аэрозоль, вы сами сказали. Вы управляете им. Значит, это вы её...

— Аэрозоль! — Горин вдруг повысил голос, и в этом крике прорвалось то, что он, видимо, долго сдерживал: не гнев, а самый обыкновенный, животный страх. — Да, мы создали формулу! Да, мы научились влиять на мозг, вызывать образы, манипулировать восприятием! Но то, что случилось с вашей сестрой, не имеет к нашим разработкам никакого отношения! Поймите вы, упрямая женщина: туман вышел из-под контроля. Он... мутировал. Или, вернее сказать, пробудился.

Он замолчал, тяжело дыша, и поправил сбившиеся очки. Потом подошёл к графину с водой, плеснул в стакан, но пить не стал — просто держал, глядя на дрожащую поверхность воды.

— Когда мы начали распылять реагент над озером, мы зафиксировали обратную реакцию. Сначала слабую, потом всё сильнее. Как будто наше воздействие разбудило что-то, что спало под водой. Оно начало отвечать. Не просто отражать сигнал — перенимать его, учиться, подстраиваться. Мы хотели создать оружие, а создали... мост. И теперь по этому мосту в наш мир входит нечто, чему я не могу дать научного определения.

Он поставил стакан на стол, расплескав воду, и посмотрел Алексею прямо в глаза.

— Лиза не была нашей мишенью. Она сама пришла. Она была первой, кто откликнулся на зов — по-настоящему, всем своим существом. И когда она вошла в туман, тот не убил её. Он... узнал её. Понимаете? Что бы там ни обитало на дне озера, оно её узнало. И я боюсь, что теперь она — его часть.

Анна медленно опустилась в кресло. Её губы побелели, а пальцы до хруста сжали подлокотники.

— Вы хотите сказать, что Лиза жива? — спросила она сдавленно.

Горин долго молчал, прежде чем ответить.

— Я не знаю, можно ли назвать это жизнью. Но она там. Внутри тумана. И каждую ночь, когда он приходит, мы фиксируем сигналы. Одинаковые, повторяющиеся. Как будто кто-то пытается что-то сказать. И этот кто-то... он знает ваше имя, Анна Владимировна.

Гнетущая тишина, повисшая после этих слов, была нарушена осторожным шорохом шагов. Из бокового прохода, заставленного стойками с мигающими серверами, появился человек, которого Алексей поначалу принял за лаборанта — невысокий, сутулый, в мятом белом халате, наброшенном поверх водолазки. Ему было около сорока, но выглядел он старше: глубокие залысины, запавшие глаза, нервно подрагивающие пальцы. Он приближался крадучись, то и дело оглядываясь на дверь, за которой скрылся Горин.

— Меня зовут Марк Штерн, — представился он шёпотом, хотя профессор вышел в соседнюю лабораторию и слышать их не мог. — Я ассистент профессора. И я должен вам кое-что показать, пока он не вернулся. То, чего нет в официальных отчётах. То, что Горин прячет даже от своих.

Анна вскинула голову. Её глаза, ещё влажные от слёз, вспыхнули тем самым опасным, лихорадочным огнём, какой Алексей уже видел у неё в гостинице, — огнём человека, которому нечего терять.

— Почему мы должны вам верить? — спросила она резко. — Вы работаете на него. Вы часть всего этого.

Штерн криво усмехнулся, и улыбка эта вышла жалкой, надломленной.

— Потому что я единственный, кто ещё не сошёл с ума от страха, — ответил он. — Остальные делают вид, что всё под контролем. А я так больше не могу. Если вы — тот самый метеоролог, который разгадал направление тумана, и сестра той девушки, которую он забрал, — вы имеете право знать правду. Всю.

Он повёл их вглубь комплекса, подальше от центрального поста, туда, где коридор сужался и упирался в стальную герметичную дверь с биометрическим замком. Приложив дрожащий палец к сканеру, Штерн пропустил их в небольшое помещение, залитое мертвенным синим светом мониторов. Вдоль стен тянулись стеллажи с папками и приборами, но главное находилось в центре: три широких экрана, на которые непрерывно транслировались данные — сейсмограммы, спектрограммы, графики электромагнитной активности.

— Смотрите, — Штерн указал на левый экран. — Это сейсмическая активность под Гнилым озером за последние три месяца. Видите вот эти всплески?

Алексей придвинулся ближе. График напоминал кардиограмму — ритмичные, повторяющиеся пики, которые шли не хаотично, а с определённой, почти математической периодичностью. Каждый пик совпадал по времени с очередным появлением красного тумана.

— Обычная сейсмика, — заметил он осторожно. — Подземные толчки, оползни...

— Нет, — перебил Штерн, и в голосе его зазвенело отчаяние. — Обычная сейсмика не выглядит как сердечный ритм. У этих импульсов есть паттерн. Они не случайны. Они повторяются, учащаются и... отвечают.

— Отвечают? На что?

Штерн перевёл взгляд на Анну, потом снова на Алексея. Казалось, он решается на что-то, чего не делал никогда прежде — на произнесение вслух того, что разрушит остатки его научной картины мира.

— На наш реагент. Когда мы начали распылять аэрозоль над озером — первый, тестовый выброс, — датчики зафиксировали ответный импульс. Не отражённый сигнал. Именно ответ. Мы повторили — и получили тот же результат. Снова и снова. Оно там, внизу, не просто фиксирует наше присутствие. Оно... учится. Подстраивается. Входит в резонанс.

Он нажал несколько клавиш, и на правом экране развернулась трёхмерная модель озёрного дна. В центре, под толщей воды и метровым слоем ила, пульсировало алое пятно — не статичное, а дышащее, слегка меняющее форму при каждом новом импульсе.

— Это не геологический разлом, — произнёс Штерн глухо. — И не месторождение газа. Мы провели спектральный анализ. То, что лежит на дне, имеет органическую структуру. Биологическую. Это... объект. Живой объект. Огромный. Он находится там, по нашим оценкам, несколько тысяч лет. И всё это время он спал.

— Красный Змей, — прошептала Анна, и слова эти, ещё утром казавшиеся бабушкиной сказкой, теперь прозвучали как приговор.

Штерн невесело кивнул.

— Легенда о Змее — не просто фольклор. Это память. Память о том, что видели люди столетия назад, когда Змей просыпался сам, раз в век. Но теперь... теперь мы его разбудили по-настоящему. Наш реагент, наш аэрозоль — он действует на мозг человека, но одновременно он действует и на него. Как крик в тишине, который нельзя не услышать. Змей пробудился, и наши технологии стали для него... как бы это сказать... интерфейсом.

— Интерфейсом? — переспросил Алексей, чувствуя, как в груди разрастается холодная пустота.

— Да, — Штерн сглотнул. — Он использует наш аэрозоль, чтобы выходить на контакт. Чтобы питаться. Мы создали оружие, способное проникать в человеческое сознание, а он... он научился делать то же самое, но гораздо, гораздо лучше нас. Туман больше не подчиняется нашим командам. Он распространяется сам, движется против ветра, выбирает жертв. Он ищет тех, у кого есть боль, страх, тоска — и тянется к ним. Потому что это — его пища. Не тела. Души.

Марк замолчал. В тишине слышно было только слабое гудение серверов и далёкий, утробный гул, доносящийся словно из-под самого фундамента. Анна стояла, прижав ладонь к губам. Алексей смотрел на пульсирующее алое пятно на экране и думал о Катерине, о её умоляющих глазах, о запахе лаванды, о том, как близко он был к тому, чтобы стать частью этого пятна.

— Почему вы не прекратили опыты? — спросил он наконец. — Если вы знали, что оно питается людьми, почему не остановились?

Штерн поднял на него глаза, полные безысходности.

— Потому что оно не дало нам выбора. Когда мы попытались остановить распыление, Змей... ответил. Видите эти пики? — он указал на сейсмограмму. — В тот день, когда мы отключили генераторы, импульсы усилились в десятки раз. Начались подземные толчки. Гнилое озеро пошло трещинами. И туман пришёл сам. Без нашей аппаратуры. Сам. Понимаете? Мы больше не управляем процессом. Мы его заложники.

Он обернулся к ним, и в его расширенных зрачках читался самый настоящий, животный ужас.

— Лаборатория разбудила нечто, что теперь использует нашу технологию, чтобы питаться. И с каждым днём оно становится сильнее. Лиза Ветрова была первой, кто не просто исчез, а... слился с ним. И теперь, когда я смотрю на эти сигналы, я вижу там её. Точнее, то, чем она стала. Она внутри. И она знает, что вы здесь.

Сумерки сгустились за бетонными стенами бункера, но никто из находившихся внутри не видел неба. Они почувствовали его приход иначе — по тому, как задрожали мониторы, как замигал свет, как из вентиляционных шахт потянуло вдруг не стерильным кондиционированным воздухом, а тем самым запахом, который Алексей уже научился узнавать безошибочно: влажное железо и сладковатый тлен. Где-то наверху, над толщей земли и бетона, красный туман спустился с неба и теперь обтекал здание, словно зверь, обнюхивающий нору, в которой спряталась добыча.

Первой отказала система герметизации. По коридору пронёсся низкий, утробный гул, и тяжёлые стальные заслонки, призванные держать оборону против любого внешнего воздействия, задрожали, заскрежетали и начали медленно разъезжаться, словно невидимая рука отжимала их в стороны. Из щелей потянулись тонкие багровые усики — туман просачивался неспешно, почти лениво, зная, что спешить ему некуда.

— Всем в центральный пост! — закричал Горин, врываясь в дверной проём. Его лицо, обычно бесстрастное, сейчас было искажено тем особым, первобытным ужасом, который уравнивает и профессоров, и чернорабочих. — Немедленно! Запускайте аварийный протокол!

Но запускать было уже нечего. Мониторы один за другим вспыхивали и гасли, разбрасывая снопы искр. Серверные стойки гудели на пределе, а потом начинали лопаться — не метафорически, а по-настоящему, с оглушительным треском, разбрасывая осколки плат и клубы едкого дыма. В воздухе пахло палёным пластиком и озоном. Марк Штерн, прижимая к груди планшет с последними данными, метнулся к пульту, но Алексей схватил его за плечо.

— Поздно, — отрезал он. — Нужно уходить. Сейчас же.

Анна стояла посреди этого хаоса, замерев, как соляной столб, и смотрела на то, как багровая дымка, проникшая в помещение, начинает уплотняться в дальнем конце зала. Она не растекалась бесформенно — она собиралась в сгусток, в кокон, и в этом коконе уже угадывались очертания фигуры. Женской. Знакомой.

— Лиза... — сорвалось с её губ, но Алексей не дал ей сделать шаг.

— Нет! — крикнул он, перекрывая вой сирен. — Это не она! Это он! Змей! Он лезет в наши головы, ищет слабое место!

Но слабое место уже было найдено — и не у Анны. Профессор Горин вдруг замер на полпути к двери. Его взгляд остекленел, рот приоткрылся, а из горла вырвался звук, какого Алексей никогда не слышал от живого человека: тонкий, захлёбывающийся скулёрж, полный такого безграничного, животного страха, что кровь стыла в жилах.

— Нет... — прошептал Горин, пятясь от чего-то, что видел только он. — Я не хотел... Это был единственный способ... Вы не понимаете! Уберите их! Уберите их от меня!

Туман перед ним сгустился в десятки, сотни человеческих фигур — размытых, колышущихся, но узнаваемых. Мужчины, женщины, старики, дети. Все они смотрели на Горина пустыми глазницами, и в их безмолвии был приговор страшнее любого крика. Те, кто пропал за последние месяцы в Затонске. Те, чьи души выпил туман. Те, кого профессор считал расходным материалом, статистической погрешностью в великом научном прорыве. Теперь они пришли за ним.

— Это не по-настоящему! — завизжал Горин, но голос его сорвался в хрип. — Это мираж! Галлюцинация! Вы не существуете!

Фигуры не отвечали. Они просто приближались — медленно, неотвратно, и Алексей вдруг с ужасающей ясностью понял, что туман больше не нуждается в аэрозоле. Он сам стал оружием. Он сам стал судьёй. И приговор, который он выносил, не подлежал обжалованию.

То, что случилось дальше, длилось от силы несколько секунд, но в памяти Алексея запечатлелось как долгий, мучительно замедленный кошмар. Фигуры набросились на Горина одновременно, без единого звука. Они не били его, не рвали — они входили в него, просачивались сквозь кожу, сквозь плоть, заполняя изнутри. Профессор закричал — один раз, страшно, захлёбываясь, — а потом тело его начало меняться. Вздулись вены на шее, наливаясь багровым. Глаза вылезли из орбит и лопнули, брызнув не кровью, а тем же самым алым туманом, что клубился вокруг. Кожа пошла трещинами, из которых хлынул свет — не тёплый, не живой, а холодный и голодный. А потом его просто не стало. На полу, где он только что стоял, не осталось ничего, кроме ржавого, влажного пятна и разбитых очков в золотой оправе.

Туман, вобравший в себя последний крик профессора, заколебался, уплотняясь и меняя структуру. И тогда из его толщи, из самой сердцевины багрового марева, начали вытягиваться щупальца. Полупрозрачные, сотканые из дыма и света, они извивались в воздухе, как водоросли в подводном течении, и каждое заканчивалось утолщением, отдалённо напоминающим человеческую кисть — но с пальцами, которые всё тянулись и тянулись, не зная конца.

— Оно здесь, — выдохнул Марк, прижимаясь спиной к стене. — Оно пришло. Змей... он пришёл за нами.

Одно из щупалец метнулось к нему, но Алексей успел дёрнуть ассистента на себя, и дымчатая конечность хлестнула по бетону, оставив в нём глубокую оплавленную борозду. Второе потянулось к Анне, но замерло на полпути, словно принохиваясь, словно узнавая что-то в её запахе, в её страхе, в её крови.

— Лиза, — прошептала Анна, и в голосе её больше не было отчаяния — только бесконечная, выжженная боль. — Я знаю, что ты там. Я чувствую тебя.

Щупальце дрогнуло. И сквозь багровую пелену, сотканную из дыма и ужаса, проступило лицо. Лицо Лизы — искажённое, бледное, с чёрными провалами вместо глаз, но несомненно

её. Губы разомкнулись, и из них вырвался не голос, а вибрация, от которой зазвенели стёкла и заныли зубы.

— Ан-на...

Пол под ногами дрогнул. Стены бункера пошли трещинами. Где-то наверху, над слоем земли и бетона, Гнилое озеро вздыбилось, и вода его начала закручиваться в гигантскую воронку, в центре которой разгоралось багровое свечение — Красное Око, распахнувшееся навстречу ночи.

Они бежали сквозь рушащийся бункер, и каждый шаг отдавался в бетонных стенах низкой, утробной дрожью, словно само здание кричало от боли. Позади с грохотом обваливались перекрытия, погребая под собой лабораторию, серверные стойки, остатки приборов и тело профессора, которого уже не было. Марк Штерн, прижимая к груди планшет, указывал дорогу — он знал запасной выход, тот, что вёл не на поверхность, а в старую дренажную штольню, прорытую ещё в советские времена. Анна бежала последней, то и дело оглядываясь на багровое марево, которое ползло за ними по пятам, и Алексей чувствовал: она не хочет уходить. Часть её осталась там, в тумане, рядом с призрачным лицом сестры.

Штольня вывела их к подножию холма. Ночь встретила ледяным ветром и запахом гниющих водорослей — тяжёлым, тошнотворным, каким может пахнуть только стоячая вода, потревоженная на самой глубине. Дождь прекратился, но небо оставалось затянутым низкими, брюхатыми тучами, подсвеченными изнутри тем самым алым, ни на что не похожим сиянием. И было тихо. Неестественно, гулко тихо, как в эпицентре урагана, где воздух замирает перед последним, сокрушительным ударом.

Они вышли к озеру.

Гнилое озеро больше не походило на тот угрюмый, но спокойный водоём, который Алексей видел на картах и фотографиях. Оно кипело. Буквально. Тёмная вода бурлила, вспучивалась, шла кругами, а в самом центре, там, где ещё утром была ровная гладь, теперь зияла воронка — идеально круглая, словно прочерченная циркулем, уходящая в недра земли. Её края были гладкими, будто оплавленными, и вода в них не падала вниз, а медленно вращалась, как ртуть в стеклянном лабиринте.

А из глубины воронки поднималось свечение. Пульсирующее, багровое, живое. Оно дышало в такт чему-то огромному, скрытому под толщей ила и воды, и каждый выдох отдавался низкочастотным гулом — не звуком, а скорее вибрацией, от которой дрожали рёбра и выворачивало внутренности. Марк схватился за уши, уронив планшет в грязь. Анна, напротив, сделала шаг вперёд, замороженная, не в силах отвести глаз.

— Лиза там, — произнесла она, и это был не вопрос.

Алексей схватил её за запястье, но она вырвала руку с неожиданной, почти звериной силой.

— Посмотри, — прошептала она, указывая в центр воронки. — Посмотри, Кравцов. Ты видишь?

Он посмотрел. И увидел.

Прямо над бурлящей бездной, в самом сердце багрового свечения, стоял силуэт. Женский, тонкий, сотканный из тумана и света, но безупречно узнаваемый. То же лицо, что он видел на записи Горина, — только теперь оно не было искажено страхом или болью. Оно улыбалось. Тихо, кротко, почти умиротворённо, и от этой улыбки у Алексея мороз пробежал по коже — потому что так не улыбаются живые.

Лиза — или то, что приняло её облик, — стояла в столбе алого пламени, и вокруг неё закручивались всё те же спирали, что она рисовала в дневнике. Только теперь они были не на бумаге. Они проступали в воздухе, в воде, в самой ткани реальности, ввинчиваясь в пространство, как штопор, и оставляя за собой слабо светящиеся следы. Её руки были раскинуты,

словно для объятия. Глаза — два чёрных провала, в которых не отражалось ни небо, ни озеро, ни они трое, стоящие на берегу, — только алый, вечный, ненасытный голод.

— Ан-на, — произнесла она, не разжимая губ, и голос её прозвучал одновременно отовсюду: из-под воды, из воздуха, из костей, из памяти. — Иди ко мне. Здесь больше нет страха. Здесь нет одиночества. Здесь только мы. Ты и я. Вместе. Навсегда.

Она протянула руку — ту самую, что на записи растворилась в тумане. Теперь она выглядела почти настоящей. Почти. Только пальцев на ней было слишком много, и двигались они не в такт друг другу, а каждое само по себе, как щупальца актинии.

Анна шагнула вперёд. Её лицо разгладилось, морщинка между бровей, не отпускавшая её все эти дни, исчезла, и на мгновение она стала похожа на ту Анну, какой была до исчезновения Лизы, — младшую, беззаботную, счастливую. Вода у её ног начала закручиваться крошечными водоворотами, подталкивая её к краю, к воронке, к центру.

— Анна, нет! — Алексей рванулся, но ноги вдруг налились свинцом, а перед глазами поплыл знакомый запах — лаванда и цитрус. Катерина. Туман снова нашёл его слабое место, и на этот раз рядом не было никого, кто мог бы вытащить его из оцепенения.

Марк, стоявший поодаль, вдруг вскрикнул. Его планшет, валявшийся в грязи, ожил — экран вспыхнул, и динамик разразился хаосом звуков: голоса, шёпоты, крики, а поверх всего — тот самый сигнал, который Штерн показывал им в лаборатории. Ритмичный, пульсирующий, живой. И сейчас этот сигнал звучал громче, чем когда-либо, заполняя собой всё пространство между озером и небом. Змей звал. И Анна слышала его.

Запах лаванды стал невыносимым. Он обволакивал Алексея, проникал в ноздри, в поры, в самую кровь, и вместе с ним пришло то самое оцепенение, которое он уже пережил прошлой ночью в гостиничном номере. Перед глазами поплыли знакомые черты: изгиб шеи, родинка над левой бровью, тёмные волосы, рассыпанные по плечам. Катерина стояла прямо перед ним — не в багровом тумане, а словно бы в сгустке тёплого, живого света, и протягивала к нему руки. На губах её играла та самая полуулыбка, с которой она когда-то встречала его на пороге их квартиры, и в груди у Алексея разлилось такое острое, такое мучительное счастье, что он едва не задохнулся.

— Алёша, — позвала она, и голос её был точно таким, каким он помнил его сотни бессонных ночей: мягким, грудным, с лёгкой хрипотцой. — Ну наконец-то. Я так долго тебя ждала. Пойдём. Здесь хорошо. Здесь нет боли. Только мы.

Анна тем временем уже ступила в воду. Ботинки её погрузились в чёрную жижу, но она не замечала этого — она видела только Лизу, парящую над воронкой, и слышала только её зов, который звучал в голове громче любого крика. Марк что-то орал с берега, размахивая руками, но его голос тонул в низкочастотном гуле, заполнившем всё пространство. Казалось, ещё мгновение — и обе женщины, живая и мёртвая, сольются в центре багрового сияния, и тогда уже ничто не сможет их разделить.

И тут Алексей увидел кольцо.

Обручальное кольцо на пальце Катерины — то самое, чей близнец холодил его собственную руку, — блеснуло в свете воронки. Но блеснуло неправильно. Не золотым, тёплым отблеском, а холодным, алым, как будто само кольцо было сделано из сгущённого тумана. И эта мелочь, эта крошечная трещина в безупречной иллюзии, вдруг полоснула его по сознанию, как осколок стекла. Катерина никогда не носила это кольцо на указательном пальце. Всегда на безымянном. Всегда.

— Ты не она, — прошептал он, и слова эти вырвались из горла с трудом, как сгустки крови.

Видение дрогнуло. Улыбка Катерины на мгновение превратилась в оскал — не злой, а голодный, нетерпеливый, — и Алексей понял то, что должен был понять с самого начала. Сущность под озером не читала мысли. Она читала память, но память — вещь неточная, избира-

тельная, и в ней всегда есть пробелы. Мелкие детали, которые ускользают, стираются, забываются. На этих деталях иллюзия и спотыкалась. И если уж его собственное прошлое было скопировано с ошибкой, значит, и образ Лизы, стоящей над воронкой, — такая же подделка. Такая же ловушка.

— Анна! — заорал он, и на этот раз голос его прозвучал не жалко, а яростно, хлётко, как удар бича. — Это не твоя сестра! Смотри на пальцы! У неё шесть пальцев на правой руке! Шесть, Анна!

Она вздрогнула. Замерла по колено в чёрной воде, в шаге от скользкого обрыва, за которым начиналась бездна. Медленно, словно преодолевая сопротивление толщи воды, она повернула голову и посмотрела на парящий над воронкой силуэт. На его правую руку, протянутую к ней. На тонкие, извивающиеся отростки, которых было слишком много.

И в её глазах, затуманенных мороком, мелькнула искра осознания.

Алексей не стал ждать. Он знал: ещё секунда — и туман найдёт новую лазейку, новое воспоминание, новый крючок, на который можно подцепить их души. Огляделся по сторонам, ища хоть что-то, что можно использовать, — и увидел Марка, который, стоя на четвереньках в грязи, копался в своём планшете.

— Излучатель! — прохрипел Штерн, поднимая голову. Его лицо было перепачкано тиной, очки съехали набок, но в глазах горел тот самый огонь, какой бывает у людей, нашедших последний, отчаянный выход. — Аварийный излучатель! Я же говорил — противофаза! Если запустить его в центре воронки, он разорвёт резонансную связь! Но нужно подойти ближе! Ближе к воде!

Алексей бросился к нему, схватил прибор — небольшой металлический цилиндр с единственной кнопкой, похожий на армейский фонарик, только тяжелее. Обернулся. Анна всё ещё стояла на краю, борясь с наваждением, и по её щекам текли слёзы — но она больше не двигалась вперёд. Силуэт Лизы колебался, терял чёткость, и вместо кроткой улыбки на её лице проступало что-то иное, древнее, чуждое, лишённое всякого подобия человеческой теплоты.

— Держи её! — крикнул он Марку и ринулся к берегу.

Вода вокруг его ног вскипела. Щупальца тумана, до того тянувшиеся к Анне, теперь переключились на него, пытаясь обвить лодыжки, но Алексей больше не был парализован страхом. Страх остался где-то позади, в бункере, вместе с телом Горина и разбитыми очками. Сейчас в нём жила только холодная, расчётливая ярость учёного, который наконец понял уравнение. Сущность питалась болью, страхом, тоской — но что, если скормить ей нечто другое? Не слабость, а сопротивление. Не подчинение, а волю, сжатую в кулак до хруста костяшек.

Он вбежал в озеро по пояс, не чувствуя ледяной воды, и выставил излучатель перед собой. Палец лёг на кнопку. Силуэт Лизы — или того, что ею притворялось, — раскрыл рот в беззвучном вопле. Воронка под ним задрожала, пошла рябью, и из её глубин донёсся звук — даже не звук, а вибрация, полная такой древней, нечеловеческой ярости, что у Алексея на миг потемнело в глазах. Но он не отпустил кнопку.

— Ты не получишь её, — сказал он тихо, не зная, слышит ли его сущность, и не заботясь об этом. — И меня ты тоже не получишь. Хватит.

И нажал.

Излучатель завибрировал в руке, как живое существо. Из его торца вырвался луч — не света, а скорее отсутствия света, волна чистой, концентрированной противофазы, которая ударила в центр воронки и растеклась по ней, как трещина по стеклу. Мир вокруг раскололся на осколки звука и цвета. Багровое свечение всколыхнулось, пошло рябью и начало втягиваться обратно в бездну, унося с собой и щупальца, и призрачный силуэт, и многопалую руку, которая в последний миг дёрнулась, словно пытаясь ухватить Анну за подол плаща. Но Анна уже отступала назад, поддерживаемая Марком, и её глаза, мокрые от слёз, смотрели не на исчезающий призрачный свет, а на Алексея.

Воронка схлопнулась. Озеро вздыбилось чудовищным гейзером, а потом обрушилось само в себя, и над поверхностью воды пронёсся стон — не один голос, а сотни, слившиеся в единый хор, полный боли, обиды и обещания. Алексей, пошатываясь, выбрался на берег и рухнул на колени в мокрый песок. Излучатель выпал из его разжавшихся пальцев и покатился по земле. Над озером воцарилась тишина — такая глубокая и полная, что звон в ушах казался почти оглушительным. И в этой тишине Алексей услышал, как Анна, опустившись рядом с ним, тихо, беззвучно плачет.

Стон, вырвавшийся из недр озера, ещё висел в воздухе, затухая медленно, словно отзвук колокола, в который ударили в последний раз. Вода, только что кипевшая и вздымавшаяся к небу чёрными гребнями, начала успокаиваться — нехотя, лениво, будто нехотя возвращаясь в берега, которые покинула много веков назад. Воронка затягивалась на глазах, края её смыкались, как веки умирающего зверя, и багровое свечение, пульсировавшее в её глубине, таяло, уходя всё дальше и дальше в толщу ила, в холод, в темноту. Излучатель, валявшийся на песке, ещё потрескивал, разбрасывая синие искры, но его работа была окончена. Резонансная связь, державшая мост между миром живых и бездной, рвалась с тихим, почти неслышным звоном, как лопается перетянутая струна.

Алексей, стоя на коленях у кромки воды, тяжело дышал, прижимая руку к груди. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот пробьёт рёбра. Рядом Марк помогал Анне выбраться из озера — её ноги заплетались, мокрый плащ волочился по земле, но она не отводила глаз от того места, где только что парил призрачный силуэт. Там теперь не было ничего, кроме медленно оседающей водяной пыли и тающего алого марева. Туман, окутывавший берег, втягивался в озеро, как вода в слив, оставляя после себя лишь влажный, посвежевший воздух и странное ощущение пустоты — такое, какое бывает в комнате, из которой только что вынесли покойника.

А потом она появилась снова.

Не в центре озера, а ближе, у самого берега, там, где вода ещё доходила Анне до колен. Сгусток тумана, последний, задержавшийся на поверхности, вдруг уплотнился, приподнялся над волнами и обрёл знакомые очертания. Лиза. Но теперь в её облике не было ничего от того жуткого, многопалого существа, которое минуту назад манило сестру в бездну. Она стояла на воде — лёгкая, полупрозрачная, сотканная из серебристой дымки, — и смотрела на Анну. Глаза её, больше не чёрные провалы, а обычные, живые, карие с золотинкой, были полны такой щемящей, такой человеческой грусти, что у Алексея перехватило горло.

Анна замерла. Она не пыталась идти к ней — то ли оцепенение прошло, то ли она просто поняла что-то, чего не мог выразить словами никто из стоявших на берегу. Сёстры смотрели друг на друга через полоску чёрной воды, и в этом взгляде было больше слов, чем в любом разговоре. Лиза улыбнулась — не той голодной, чужой улыбкой, а своей, прежней, чуть смущённой, от которой на щеках появлялись ямочки. Подняла руку — обычную, человеческую, с пятью пальцами — и прижала ладонь к губам, а потом медленно отвела её в сторону, словно посылая прощальный поцелуй. Губы её беззвучно шевельнулись. «Прости». Или «прощай»? Этого Алексей не разобрал, да и не важно это было.

Образ начал таять. Не схлопнулся, не исказился — просто становился всё прозрачнее и прозрачнее, как утренний туман под лучами солнца. Последней исчезла рука — тонкая, с голубоватыми прожилками вен, совсем как у Анны. А потом над озером не осталось ничего, кроме чёрной глади и холодного, чистого воздуха. Где-то далеко, на востоке, между туч блеснула первая полоса рассвета.

Анна постояла ещё мгновение, а потом ноги её подкосились, и она опустилась прямо в мокрый песок, не замечая ни холода, ни грязи. Плечи её затряслись, из груди вырвался звук — не плач даже, а глухой, утробный стон, похожий на тот, что только что издало озеро. Она рыдала без слёз, сжав кулаки и уткнувшись лбом в колени, и в этом рыдании не было истерики

— было только облегчение, смешанное с такой бездонной, такой невосполнимой потерей, что Алексей, глядя на неё, почувствовал, как к горлу подступает ком. Марк отвернулся, снял разбитые очки и принялся сосредоточенно протирать их краем грязного халата.

Алексей подошёл к Анне, опустил рядом и просто положил руку ей на плечо. Она не отстранилась. Так они и сидели на пустом берегу — двое людей, потерявших каждый своё и нашедших друг друга на самом краю бездны. Над ними медленно светлело небо, очищаясь от туч, и первые лучи солнца, пробиваясь сквозь остатки дымки, ложились на воду золотыми дорожками. Где-то в лесу робко, неуверенно запела первая птица, и звук этот показался оглушительно громким после бесконечных часов тишины.

Гнилое озеро снова было просто озером. Мёртвым, холодным, но всего лишь водоёмом. И всё же, когда Алексей бросил последний взгляд на его гладь, ему почудилось на мгновение, что в глубине, под толщей чёрной воды, что-то шевельнулось — медленно, сонно, но ещё живо. Или это было просто отражение облака. Он не стал вглядываться.

Рассвет окончательно разогнал остатки ночи, и Затонск предстал перед ними в новом, непривычном свете — притихший, но больше не испуганный. Ржавый налёт на стенах домов ещё темнел влажными разводами, но с крыш уже срывались первые капли талой воды, и в них, если приглядеться, не было ничего зловещего — обычная весенняя капель, обещание запоздалого тепла. Улицы, ещё вчера вымершие и глухие, начали наполняться звуками: где-то хлопнула ставня, скрипнула телега, слышался приглушённый разговор. Город просыпался, словно больной после долгой лихорадки, ещё слабый, но уже живой.

Они стояли втроём у развалин метеостанции — точнее, у того, что осталось от входа в подземный бункер. Бетонные плиты просели, покосились, и из щелей между ними всё ещё сочился слабый, едва заметный пар, смешанный с запахом горелой проводки. Внутри больше не попасть, но Марк Штерн, ещё вчера — ассистент, сегодня — единственный выживший из всего персонала, успел спасти самое главное. Он протянул Алексею небольшой герметичный кейс, который всё это время прятал под халатом. Руки его дрожали, но взгляд был ясным и спокойным — взгляд человека, который наконец перестал бояться, потому что самое страшное уже случилось.

— Здесь всё, — сказал он глухо. — Все данные, которые мы собирали последние три года. Сейсмограммы, спектральный анализ, протоколы распыления. И самое важное — записи ответных импульсов. Я скопировал их, пока Горин был занят вами. Он не знал. Никто не знал.

Алексей принял кейс, ощутив его неожиданную тяжесть. Металл был холодным, и пальцы сами собой сжались на ручке так крепко, что побелели костяшки.

— Зачем вы отдаёте это мне? — спросил он. — Вы могли бы уничтожить всё, замести следы. Никто бы не узнал.

Марк криво усмехнулся и поправил очки, дужка которых была замотана грязным пластырем.

— Потому что я — учёный, Кравцов. Плохой, испуганный, запутавшийся, но всё-таки учёный. А учёный не имеет права прятать данные, даже если они ему не нравятся. Тем более — такие данные. Вы видели то же, что и я. Знаете, что случилось с Гориним. С Лизой. Со всеми остальными. Если это нельзя остановить, может быть, хоть удастся понять. А понять можно только тогда, когда есть с чем работать.

Он помолчал, глядя на озеро, чья гладь теперь была неподвижна и сера, как старая жесть.

— Я проанализировал последние импульсы. Те, что шли из-под земли, когда вы запустили излучатель. Сущность не уничтожена. Вы же понимаете это, правда?

Алексей кивнул. Он понимал. Понимал с того самого мгновения, когда воронка схлопнулась не взрывом, а медленным, почти ленивым движением, словно зверь, нехотя убирающий лапу из-под дождя. Нечто под озером не погибло. Оно просто снова уснуло.

— Эпицентр сместился, — продолжил Марк, доставая из кармана мятую распечатку с графиком. — Вот, смотрите. Последний импульс, зафиксированный перед отключением датчиков. Он идёт не из-под озера. Он идёт с севера. Далеко. Очень далеко. Кольский полуостров, может быть, Новая Земля. И частота импульсов меняется. Они становятся короче. Ритмичнее. Как будто...

— Как будто оно дышит чаще, — закончила Анна.

Она стояла чуть поодаль, закутавшись в плащ, который так и не просох после ночи на озере. Лицо её осунулось, под глазами залегли тени, но в голосе больше не было той надломленной, отчаянной ноты, которая звучала в нём все последние дни. Только усталость. И спокойная, злая решимость.

Марк кивнул.

— Именно. Оно не уничтожено. Оно просто передислоцировалось. Словно... словно Затонск был для него кормушкой, которую мы случайно сломали. Но оно нашло другую. И теперь оно снова будет расти. Снова будет звать. Снова будет ждать.

Повисла тишина. Алексей открыл кейс, пролистал несколько страниц — столбики цифр, спектрограммы, карты магнитных аномалий. Всё это теперь было не просто научными данными. Это было оружием. Или, может быть, картой минного поля, по которому человечеству ещё только предстояло пройти.

— Спасибо, — произнёс он наконец, закрывая кейс. — Что будете делать теперь?

Марк пожал плечами.

— Уеду. У меня есть родня в Петербурге. Попробую забыть всё это, хотя вряд ли получится. А вы?

Алексей переглянулся с Анной. Они не говорили об этом — времени не было, да и сил тоже, — но сейчас, в утреннем свете, на пустой дороге у разрушенной станции, ответ казался очевидным.

— Мы поедем на север, — сказал он. — Не сегодня, не завтра. Когда разберёмся с данными. Когда поймём, что именно искать. Но поедем обязательно. Потому что если там сейчас сгущается новый красный туман, кто-то должен предупредить людей. Кто-то должен подготовиться. Кто-то должен... — он запнулся, подбирая слово.

— Защитить, — сказала Анна твёрдо. — Чтобы никто больше не стоял по колено в чёрной воде, глядя на призрак сестры. Чтобы ни один ребёнок не знал, каково это.

Марк долго смотрел на них обоих, а потом молча снял очки, протёр их, снова надел и кивнул — так, как кивают люди, которые не любят громких слов, но умеют ценить поступки.

Час спустя они стояли на той самой станции, с которой Алексей сошёл всего трое суток назад. Смотритель, тот самый старик с керосиновым фонарём, сидел на прежнем месте, но теперь не прятал взгляд, а смотрел на них почтительно, даже немного испуганно. По платформе снова шли люди — жизнь возвращалась в Затонск, медленно, неуверенно, но возвращалась.

Поезд подошёл вовремя — старый, обшарпанный, но надёжный. Алексей помог Анне подняться в вагон, оглянулся на станцию, на озеро, на тёмную полосу леса за ним. Где-то там, в глубине, ещё спало то, что звало себя Красным Змеем. Спало — но не умерло. И теперь он знал, что оно не умрёт никогда. Его можно только усыпить. Или сдержать. Или, может быть, научиться с ним говорить. Но это будет уже совсем другая история.

Он вошёл в вагон. Дверь закрылась. Поезд тронулся, набирая ход, и Затонск поплыл назад, уменьшаясь, превращаясь в точку на карте, которая отныне будет значить для него больше, чем десятки других, вместе взятых.

А далеко-далеко на севере, над ледяными полями и замёрзшими проливами, медленно сгущалась багровая дымка. Ещё никто не видел её. Ещё никто не бил тревогу. Но ветер уже менял направление.

Час Сумеречных Птиц

Автобус, выплюнув Алексея Шарова на разбитую остановку, тут же растворился в молочной гуще, оставив после себя лишь затухающий гул мотора и запах солярки, который мгновенно сожрал сырой осенний воздух. Алексей поёжился, поправил на плече ремень полевой сумки с биноклем и диктофоном и вдохнул Мглистый — не просто название городка, а его физическое состояние. Туман здесь не лежал покровом, а стоял стеной, съедая звуки, очерта-

ния и само представление о расстоянии; мокрый асфальт под ногами поблескивал, как рыба чешуя, а с невидимых ветвей капала вода, хотя дождя не было.

Он шёл, ведомый скорее интуицией, чем картой, мимо покосившихся заборов и тёмных окон, за которыми угадывалась не жизнь, а её декорация, и впервые за долгое время уловил абсолютную, неестественную тишину — ни вороньего грая, ни синичьего посвиста, ни голубино-го воркования. Орнитолог в нём напрягся раньше, чем разум успел оформить тревогу: птиц в этом месте не было вовсе, словно они покинули его, подчиняясь какому-то беззвучному приказу.

Центральная площадь открылась ему внезапно, как декорация в театре: брусчатка, бугрившаяся от вьёвшейся сырости, чугунный фонтан без воды, чёрный провал которого напоминал пересохший зев, и ряд фонарей, уже зажжённых, несмотря на то что час был предвечерний. Свет их расплывался в тумане рыжими ореолами, и в одном из этих дрожащих кругов Алексей увидел женщину.

Она стояла на цыпочках, борясь с ветром, пытаясь приладить лист бумаги к ржавому столбу, но ветер тут же срывал его, хлопал, как подбитое крыло, и женщина ловила лист, прижимала его грудью к столбу и снова бралась за скотч. Рядом, в брезентовой сумке у её ног, виднелась стопка таких же листов, придавленная булыжником. Алексей подошёл ближе, не скрывая шагов, но она не обернулась — то ли не слышала за свистом ветра, то ли привыкла к тому, что в Мглистом на прохожих не оглядываются.

Он остановился у соседнего фонаря и увидел лицо на листовке. С фотографии смотрел мужчина лет тридцати, с надломленной улыбкой и светлыми, выцветшими на дешёвой печати глазами, а над снимком кривыми, но разборчивыми буквами было выведено: «Пропал человек. Дмитрий Ланской».

Ниже — дата, совпадавшая с закатом ровно месячной давности, и приписка от руки, сделанная, судя по всему, уже позже: «В последний раз его видели, когда он слушал птиц, которых никто не видел».

Женщина наконец справилась: приклеила уголок, разгладила бумагу ладонью, испачканной клеем, и отступила на шаг, и тогда Алексей заметил, как дрожат её пальцы и как она сама сжимается, словно ожидая удара, а не ответа.

— Вы его ищете? — спросил Алексей, и собственный голос показался ему чересчур громким, почти кощунственным в этой ватной тишине.

Она резко обернулась, и он увидел лицо, которое не назвал бы красивым, но которое невозможно было забыть — бледное, с острыми скулами и серыми, слишком спокойными для такого занятия глазами. Несколько секунд она просто разглядывала его, оценивая: не местный, одет по-городскому, сумка с логотипом орнитологического общества выглядывает из-под куртки.

— Ищу, — ответила она без всякого удивления, будто знала, что сегодня на площади появится посторонний. — Только не его. Скорее, то место, куда он ушёл.

Ветер рванул с особой яростью, и пара листовок сорвалась с её сумки, закружилась по брусчатке, словно больные листья. Алексей машинально прижал одну ногой, нагнулся и поднял. С фотографии на него снова глянул тот же человек, и теперь, вблизи, Алексей заметил то, что упустил раньше: в углу снимка, у самого плеча Дмитрия, расплывалось что-то вроде тени, слишком густой для обычного дефекта плёнки, и формой эта тень смутно напоминала расправленное крыло.

— Я приехал из-за птиц, — сказал он, протягивая ей листовку, и встретился с её взглядом. — Из-за тех, которых не видно.

Она не взяла бумагу. Её пальцы замерли на полпути, а губы чуть разомкнулись, но вместо слов она вдруг замерла, прислушиваясь. Алексей тоже прислушался, но не услышал ничего, кроме ветра. Однако Вера Ланская — а это была она, хоть имени своего ещё не назвала —

медленно отвела взгляд в сторону, туда, где за мутной пеленой тумана угадывался провал уходящей к реке улицы, и проговорила тихо, почти про себя:

— Сегодня снова закат. И мне опять кажется, что они уже где-то рядом.

Она повернулась к нему, и в её глазах на мгновение плеснулось что-то среднее между надеждой и страхом. Алексей открыл рот, чтобы спросить о главном, но так и не успел — потому что в этот момент где-то высоко и далеко, искажённый туманом до неузнаваемости, раздался звук, не похожий ни на одну знакомую ему птичью трель. Это был долгий, переливчатый свист, замиравший на одной ноте так долго, что сердце пропустило удар. А потом он оборвался, и тишина стала ещё гуще, и Вера, схватив Алексея за рукав, прошептала то, от чего весь его научный скептицизм пошёл трещинами:

— Вы тоже их слышите?

Не дожидаясь ответа, она решительно зашагала прочь с площади, и Алексею ничего не оставалось, как последовать за ней. Через несколько минут они уже стояли перед обшарпанным зданием городской библиотеки.

Городская библиотека встретила их запахом, какой бывает только в помещениях, где десятилетиями никто не открывал окон, — смесью книжной пыли, сырой штукатурки и чего-то неуловимо сладковатого, напоминающего сушёные яблоки. Библиотекарша, сухонькая старуха в вязаной шали, наброшенной поверх серого платья, выслушала просьбу Веры с каменным лицом, но когда та упомянула фамилию Кротова, пальцы старухи, перебиравшие формуляры, на мгновение замерли.

Алексей заметил, как она метнула быстрый взгляд куда-то за их спины, в пустой читальный зал, где сиротливо горели две лампы под зелёными абажурами, и поджала губы.

— Такого фонда у нас нет, — сказала она, но голос её прозвучал так, словно она повторяла заученную фразу, смысл которой давно перестала понимать. — Всё, что касается маяка, списано по акту ещё в девяностых. Пожар, знаете ли. Архив сгорел.

Вера не шелохнулась, только положила ладонь на стойку — беззвучно, но так, что старуха вздрогнула, — и наклонилась чуть ближе. Алексей стоял чуть поодаль и слышал, как Вера произнесла что-то почти неслышное, одно только слово, которое он не разобрал, но которое заставило библиотекаршу побледнеть и отступить на полшага, прижав к груди стопку каталожных карточек. Наступила долгая, вязкая пауза, во время которой старуха смотрела на Веру так, будто узнала в ней кого-то, кого предпочла бы забыть, а потом развернулась, сняла с гвоздя на стене запылённый ключ с биркой «Подвал. Хоз. инвентарь» и молча положила его на край стойки.

— Последняя дверь в конце коридора, — обронила она и, уже отвернувшись, добавила еле слышно: — Только не зажигайте там верхний свет. Проводка ни к чёрту.

Подвал оказался даже не подвалом, а скорее каменным мешком, куда вела крутая винтовая лестница с выщербленными ступенями. Внизу пахло уже не яблоками, а землёй, плесенью и старым воском, и Алексей, пригнувшись под низким сводом, на ощупь нашёл на стене выключатель, но вспомнил предупреждение и вместо этого включил фонарик на телефоне.

Луч выхватил из темноты горы коробок, перевязанных бечёвкой, сломанный глобус, прислонённый к ржавой батарее, и длинный канцелярский стол, заваленный подшивками газет, пожелтевших до цвета крепкого чая. Вера уже стояла у дальнего стеллажа и перебирала корешки, водя по ним пальцем, как по клавишам, пока не остановилась на одном — невзрачном, тёмно-синем, без названия.

— Это он, — сказала она и потянула книгу на себя. С тихим шорохом, будто разбуженная летучая мышь, дневник лёг на стол, и в свете фонарика они увидели обложку из грубого картона, обтянутого тканью, и вытесненные полустёртые инициалы «И. Г. К.».

Алексей раскрыл дневник где-то посередине, и на него пахнуло сухим теплом, как от печки, и сразу же бросились в глаза строчки, выведенные каллиграфическим, почти чертёж-

ным почерком, с завитками на заглавных буквах и ровными, как строй солдатиков, отступами. Старый смотритель маяка Илья Григорьевич Кротов писал не дневник — он вёл хронику, сухую и обстоятельную, фиксируя даты, время закатов, направление ветра, фазы луны, а между этими пометками вплетал странные фразы, от которых у Алексея по спине пополз холодок.

«Тени становятся длиннее, чем следует в это время года», — прочёл он вслух и покоился на Веру. Та молча перевернула страницу. Дальше шло: «Они поют не голосом, а тишиной между двумя ударами сердца. Тот, кто слышал их дважды, уже не принадлежит себе».

— Вот, — Вера остановилась на развороте, где почерк Кротова внезапно менялся: из аккуратного становился торопливым, буквы ломались, строчки поползли вниз. Запись была озаглавлена «Час Сумеречных Птиц», и под ней старик, путаясь в терминах и явно волнуясь, описывал явление, которому не находил рационального объяснения.

Речь шла о коротком промежутке между заходом солнца и наступлением полной темноты, когда, по утверждению Кротова, граница между миром живых и тем, что лежит за границей, становится проницаемой, как старая марля. «В этот час, — писал он, — тени обретают плоть, а время, запертое в предметах, вытекает обратно, и можно увидеть то, что ещё не случилось, или то, что уже минуло, но не ушло».

И чуть ниже, уже совсем дрожащей рукой: «Сегодня я видел, как из тумана над водой поднялись три фигуры. Они шли ко мне, и у каждой за спиной колыхалось по два крыла, сотканных из лунного света. Я закрыл глаза, а когда открыл — они исчезли, но на перилах осталось вот это». Напротив этой фразы, прямо на странице, был приклеен кусочек кальки, а под ним — маленькое, почти невесомое перо, чёрное с одного края и переходящее в жемчужную белизну с другого. Вера протянула руку, но коснулась только кальки, и перо под ней дрогнуло, хотя воздуха в подвале не было.

— Смотри, — вдруг тихо сказала она, отодвигая дневник к самому краю стола, чтобы свет фонарика падал на поля.

Алексей наклонился и увидел то, на что не обратил внимания сразу: поля многих страниц были испещрены карандашными пометками, сделанными совсем другой рукой — небрежной, быстрой, с сильным наклоном вправо. Это был не Кротов. Почерк принадлежал человеку моложе, более нервному, и Алексей понял это ещё до того, как Вера, зажав рот ладонью, прошептала:

— Это Димка. Его рука.

Пометки Дмитрия Ланского покрывали дневник, как паутина: цифры, стрелки, обведённые даты, обрывки фраз. Он сопоставлял записи Кротова с лунным календарём, высчитывал интервалы, отмечал крестиками дни, когда старик фиксировал появление теней и пение, и выводил какую-то свою, одному ему понятную закономерность. На последней исписанной странице, где запись Кротова обрывалась на середине предложения, Дмитрий набросал столбик вычислений и подчеркнул итоговую цифру тремя жирными линиями, а рядом, совсем мелкими буквами, приписал: «Следующее открытие — двадцать восьмое октября, сразу после захода. Осталось три дня. Я должен быть на маяке».

Вера медленно осела на стоящий рядом ящик, не отрывая взгляда от этих строк. Алексей пересчитал даты в уме, сверяясь с календарём на телефоне, и почувствовал, как в груди что-то оборвалось. Двадцать восьмое октября было сегодня. Он открыл рот, чтобы сказать об этом, но не успел — где-то наверху, над их головами, в той части здания, где располагался читальный зал, раздался звук, от которого оба замерли. Это не был скрип половиц и не шаги библиотекарши. Это был свист — тот самый, долгий, переливчатый, уходящий в такую высокую ноту, что её почти не воспринимало ухо, а только вибрация в висках, — и он звучал не снаружи, не с улицы, а внутри дома, прямо над ними, за деревянными перекрытиями.

Алексей погасил фонарик, и в крошечной тьме подвала они остались вдвоём с этим звуком, который то нарастал, то стихал, то раздваивался на два голоса, чтобы потом снова слиться в один — и тогда Вера вцепилась ему в плечо и выдохнула в самое ухо:

— Оно здесь. Оно ждало нас.

Выбравшись из душного подвала, они молча покинули библиотеку. Сумерки сгустились, и дорога к маяку, петлявшая сквозь заросли сухостоя, теперь казалась единственно верным путём.

Маяк показался им не сразу — он вырос из тумана внезапно, как гнилой зуб из десны, чёрный, облупленный, с пустыми глазницами окон, зиявшими на разной высоте. Тропа к нему давно заросла сухостоем, который хрустел под ногами, точно кости, и цеплялся за одежду колючими плетями ежевики. Алексей шёл первым, раздвигая ветки плечом, и чувствовал, как с каждым шагом воздух становится плотнее, тяжелее, словно само пространство вокруг маяка сопротивлялось вторжению. Где-то в вышине, над ржавой короной флюгера, кружило воронье, но и оно молчало — ни карканья, ни хлопанья крыльев, только чёрные лоскуты, прошивающие серое небо беззвучно, будто в немом кино.

Входная дверь висела на одной петле, и Вера, прежде чем войти, коснулась её ладонью — не толкнула, а именно коснулась, как касаются лба покойника, прощаясь. Внутри пахло солью, ржавчиной и запустением, а ещё чем-то сладковатым, похожим на запах сухих трав или старого мёда, забродившего в сотах. Свет сочился сквозь щели в дощатых стенах, рисуя на полу косые полосы, в которых танцевала пыль, и в этом призрачном освещении Алексей разглядел винтовую лестницу, уходящую вверх, и лаз в полу у её основания — квадратную дыру с торчащими из неё скобами, уводящими в подвал. Вера, не сговариваясь, кивнула на лаз, и он понял: то, что они ищут, не могло быть наверху, на свету, в помещении, продуваемом всеми ветрами. Оно пряталось в земле, в темноте, под толщей камня.

Спускались по очереди, на ощупь находя скобы, скользкие от конденсата. Подвал оказался просторнее, чем можно было предположить, — настоящая каменная кишка, уходящая в толщу скалы, на которой стоял маяк. Алексей зажёл фонарик поярче и обвёл лучом стены, и то, что он увидел, заставило его вздрогнуть, а Веру — замереть на нижней ступеньке, не дыша. Вдоль стен, на грубо сколоченных полках, сидели птицы. Десятки, может, сотни птиц.

Чучела, изготовленные с пугающим, неестественным мастерством: каждая ворсинка на грудках топорщилась живо, каждое крыло лежало так, будто птица только что сложила его, и только глаза выдавали подделку — вместо стеклянных бусин в глазницы были вставлены крошечные зеркальца, в которых дробился и множился свет фонарика. Воробьи, синицы, сойки, дрозды, несколько крупных чаек, чьи клювы были приоткрыты в беззвучном крике, и одна большая неясность, чья голова, повернутая набок, смотрела прямо на вошедших с выражением холодного, почти человеческого любопытства.

— Кротов, — прошептала Вера, и голос её прозвучал глухо, без эха, съеденный каменными стенами. — Это его коллекция. Дмитрий писал о ней в дневнике, на полях. Он думал, что смотритель пытался их... сохранить. Поймать суть.

Алексей не ответил. Он уже заметил другое: в углу, на старом ящике из-под корабельных инструментов, стоял бобинный магнитофон — громоздкий, обклеенный потрескавшейся плёнкой под дерево, с двумя катушками, на которых висала коричневая лента. Рядом лежала жестяная коробка с надписью «Август. Вечерний пересчёт», выведенной всё тем же каллиграфическим почерком Кротова.

Алексей присел на корточки, осторожно, словно обезвреживал мину, поднял коробку и открыл её. Внутри, уложенная виток к витку, хранилась бобина. Лента была цела, не порвана, не спутана, и пахла уксусом и временем. Он посмотрел на Веру. Та стояла, обхватив себя руками, и смотрела не на магнитофон, а на чучело неясности, которое теперь, в дрожащем свете, казалось, слегка повернуло голову.

— Надо включить, — сказал Алексей тоном, не терпящим возражений, хотя внутри у него всё сжималось от дурного предчувствия.

Магнитофон ожил с третьей попытки — старая техника нехотя загудела, катушки дёрнулись и поплыли, и из динамика, шипя и потрескивая, полился звук. Сначала — только ветер, записанный, судя по всему, здесь же, на вершине маяка: его завывания были неровными, с перепадами, словно невидимый музыкант пробовал строй инструмента. Потом сквозь ветер прорезался щебет — обычный, вечерний, такой, какой можно услышать в любом парке на закате: синицы, зяблики, где-то далеко — малиновка. Алексей даже выдохнул с облегчением, но ровно в ту секунду, когда он расслабил плечи, запись изменилась.

Птичьи голоса один за другим начали смолкать, и на их место вползло что-то иное — долгий, переливчатый свист, тот самый, что они уже слышали дважды, но теперь он звучал ближе, интимнее, и в нём проступили детали, недоступные уху в реальности: он состоял не из одной ноты, а из множества, сплетённых в тугую косу, и эта коса вибрировала, пульсировала, почти дышала. Свист нарастал, заполнял подвал, и чучела на полках, казалось, слушали его вместе с людьми, подавшись вперёд.

Вера попятилась, зажала уши ладонями, но тут же отдернула руки, словно обожглась, и Алексей увидел её лицо — бледное до синевы, с расширенными зрачками и губами, которые беззвучно, одними движениями, повторяли то, что она пыталась произнести. Он рванулся к магнитофону, чтобы выключить, но Вера схватила его за запястье с такой силой, какой он в ней не предполагал.

— Не надо, — выдохнула она, и в голосе её звенела та самая нота, что и в записи. — Я это уже слышала. Дважды. Перед тем, как Дима...

Она не договорила. Плёнка кончилась, и в наступившей тишине стал слышен другой звук: снаружи, над маяком, тот же свист, только живой, объёмный, разлитый в воздухе, как запах озона перед грозой. И тогда одно из чучел на полке — маленькая синица с зеркальными глазами — дёрнуло головой, совсем по-живому, и уронило на пол горсть сухих перьев.

Не в силах больше выносить этого зрелища, они, спотыкаясь, выбрались из подвала, а затем и из маяка, и побрели вдоль берега к городу. Тропа вывела их к реке, а река — к старому причалу.

Они возвращались в город молча, и молчание это было не пустым, а тугим, как натянутая леска, готовым лопнуть от любого неосторожного слова. Доски причала, поседевшие от соли и времени, глухо гудели под ногами, словно под ними прятался огромный пустой барабан. Солнце уже сползло за горизонт, оставив после себя только ржавый мазок на брюхе низких туч, и вода в реке казалась не водой вовсе, а расплавленным свинцом — тяжёлой, ленивой, дышащей холодом.

Алексей шагал чуть позади Веры, глядя ей в спину, и всё не мог отделаться от картинки, застрявшей где-то под веками: чучело синицы, роняющее перья, и зеркальные глаза, в которых отражался он сам, испуганный и жалкий.

Вера остановилась у самого края причала, где сваи уходили в чёрную воду под углом, как подкошенные ноги, и долго смотрела в сторону противоположного берега, тонувшего в тумане. Алексей хотел было сказать что-то обнадеживающее, глупое, вроде «мы разберёмся» или «может, это просто совпадение», но слова застряли в горле — потому что совпадений в Мглистом не было, это он уже понял. Здесь у каждой случайности был привкус закономерности, горький, как полынный отвар.

Их окликнули неожиданно, и голос прозвучал так близко, что оба вздрогнули. Из-под причала, из вороха старых рыбацких сетей, сваленных у перевёрнутой лодки, выбрался мальчишка. Он был вихрастым, как воробей после драки, одетым в не по росту большой бушлат с чужого плеча, и грязь на его щеках лежала такими ровными полосами, будто он специально разрисовал себя для какой-то дикой игры. В руке он сжимал ржавый гвоздь, которым, видимо,

выцарапывал что-то на деревянной свае, и теперь смотрел на пришедших с тем особым, бесстрашным любопытством, какое бывает только у детей, выросших в местах, где взрослые предпочитают не задавать лишних вопросов.

— Вы это, — сказал он вместо приветствия, шмыгнув носом и ткнув гвоздём в сторону Веры, — зря туда ходили. Оно теперь за вами следом пойдёт.

Вера переглянулась с Алексеем, но промолчала, а мальчишка, видя, что его не прогоняют, осмелел, шагнул ближе и заговорил быстрее, словно боялся, что его перебьют. Он рассказал, что вчера сидел здесь же, на причале, прятался за лодкой от матери, которая снова грозилась выдрать его за разбитое стекло, и видел, как Вера шла по берегу одна, в сумерках, и как за ней, шагах в десяти, колыхалось что-то дымное, длинное, с размытыми краями.

Сначала он подумал, что это туман играет, но туман не движется против ветра, а эта штука именно что двигалась — скользила над землёй, повторяя каждый её шаг, и формой напоминала птицу, только слишком большую и плоскую, как тень от невидимых крыльев, брошенная на невидимую стену. Мальчишка показывал это, разводя руками, и гвоздь в его пальцах чертил в воздухе рваные дуги.

— А потом я вспомнил, — продолжал он, и голос его упал до шёпота, хотя вокруг не было ни души, — я уже такое видел. В тот вечер, когда Дмитрий-то... ну, когда он пропал.

При имени Дмитрия Вера вздрогнула и шагнула к мальчику, но тот отступил, спрятал гвоздь в карман и затараторил ещё быстрее, боясь, что она сейчас схватит его за плечи и начнёт трясти. Он был здесь, сказал он, сидел на том же самом месте, когда Дмитрий вышел на причал и долго стоял, глядя на воду, а потом вокруг него начал сгущаться воздух, как бывает над горячим асфальтом, и из этого дрожащего марева отделилась тень — точь-в-точь такая же, как вчера, дымная, птичья, бесшумная. Мальчишка слышал свист, но не ушами, а где-то внутри головы, и видел, как Дмитрий улыбнулся, словно узнал кого-то, и пошёл, не к воде, а в эту самую тень, которая расступилась перед ним, как занавеска, и он растворился в ней, исчез, просто перестал быть, и только доски причала остались, да ещё горсть чёрных перьев, которые ветер тут же погнал к воде, как горелую бумагу.

— Я подобрал одно, — сказал мальчишка и впервые за весь разговор посмотрел Вере прямо в глаза, — оно ещё тёплое было. А потом я его выронил, и оно растаяло в воздухе. Вот как снег. Только чёрное.

Над рекой повисла тишина, какая бывает только поздней осенью, когда даже вода, кажется, боится плескать громко. Алексей увидел, как пальцы Веры, сжимавшие край её сумки, побелели, а губы сжались в тонкую нитку, и понял, что она верит каждому слову мальчишки, верит так, как верят не в рассказ, а в приговор. Он открыл рот, чтобы спросить что-то, сам не зная что, но мальчишка вдруг поднял руку и указал на что-то за их спинами — туда, где кончался причал и начиналась мощёная булыжником дорога к городу.

— А вон оно, — сказал он просто, без страха, с тем же бесстрашным любопытством. — И сейчас там. Смотрите.

И они обернулись. На границе суши и мостовой, в сгущающемся сумраке, колыхалось что-то, похожее на столб дрожащего воздуха, и в этом дрожании угадывались контуры расправленных крыльев, слишком огромных для любой земной птицы, и длинный, изломанный силуэт, который медленно, очень медленно поворачивал голову в их сторону.

Они бежали, не разбирая дороги, пока впереди не замаячили тусклые окна единственной гостиницы.

Номер в единственной гостинице Мглистого, куда они вернулись, когда сумерки сгустились уже до полной, непроглядной черноты, напоминал не жилую комнату, а музейную экспозицию под названием «Провинциальная тоска»: железная кровать с никелированными шарами на спинках, комод, от которого пахло лаком и старостью, и абажур с бахромой, свисавший с потолка на длинном, ржаво поскрипывающем шнуре. Вера сидела на подоконнике, поджав

ноги и прижавшись виском к холодному стеклу, за которым не было видно ничего, кроме мутного пятна уличного фонаря, качавшегося на ветру.

Алексей мерил шагами скрипучие половицы, то вынимая из сумки диктофон, то убирая его обратно, и каждый скрип половиц отзывался в висках тупой, ноющей болью. После увиденного на причале они почти не разговаривали — каждый переваривал страх по-своему, — но тишина в номере была не убежищем, а накопителем напряжения, и оба знали, что рано или поздно оно прорвётся.

Вера заговорила первой, и голос её, хоть и прозвучал ровно, имел ту особую, неестественную спокойную ноту, какая бывает у людей, уже принявших самое страшное решение. Она сказала, что не станет прятаться, не станет уезжать, не станет запирается в этом номере, потому что тень, которую они видели, всё равно найдёт её — не сегодня, так завтра, не здесь, так в другом месте. И если Дмитрий шагнул в этот сумрак добровольно, значит, у него была причина, значит, там, за гранью, есть нечто, что он хотел понять, и она, Вера, хочет того же. Она хочет увидеть его снова, пусть даже на одно мгновение, пусть даже ценой собственного исчезновения.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь, — сказал Алексей и сам услышал, как глупо, как по-книжному это прозвучало.

— Понимаю, — ответила она и впервые за вечер посмотрела ему прямо в глаза, и в этом взгляде не было ни истерики, ни бравады, а только ледяное, выжженное горем спокойствие. — Я уже третий день нахожу у себя на подоконнике перья, Алексей. Чёрные, с жемчужным краем. Такие же, как в дневнике Кротова. Я их выбрасываю, а утром они снова там. Оно уже выбрало меня. Осталось только не убежать.

Она спустила ноги с подоконника, встала и подошла к столу, где лежал раскрытый дневник зрителя, взяла его в руки и пролистала до той самой страницы, где Дмитрий вывел дату и слово «маяк». Потом закрыла дневник, прижала его к груди, как прижимают ребёнка или самую дорогую из всех вещей, и сказала, что пойдёт на маяк прямо сейчас, до полуночи, потому что Кротов в своих записях упоминал, что грань истончается не только в сам час заката, но и в глубоких сумерках, когда луна набирает силу.

Алексей попытался возразить — логикой, цифрами, здравым смыслом, всем тем арсеналом, который ещё вчера казался ему непробиваемым, — но слова ломались, как спички о мокрый бетон, потому что после дневника, после магнитофонной плёнки и после того, что он увидел собственными глазами на причале, логика больше не работала. Она умерла где-то между зеркальными глазами чучел и дымным силуэтом, который поворачивал к ним свою невидимую голову.

Тогда он сказал то, чего она, кажется, не ожидала:

— Я пойду с тобой. Не отговаривать. Не спасать. Просто пойду. И я сниму это, — он похлопал по сумке, где лежала камера, — сниму от начала и до конца, что бы там ни случилось. Если мы оба исчезнем, пусть останется хоть запись. Пусть кто-нибудь узнает.

Вера долго смотрела на него, и в её глазах что-то дрогнуло — не благодарность, не надежда, а скорее жалость, смешанная с уважением, как смотрят на человека, который сам не знает, во что ввязывается, но уже не отступит. Она не стала спорить, только кивнула и отвернулась к окну, за которым фонарь мигнул и погас, оставив стекло чёрным и непроницаемым. Алексей же, пока она собиралась, проверил заряд камеры, запасные аккумуляторы, диктофон с ещё чистой картой памяти и положил во внутренний карман куртки прозрачный пакетик, в который ещё в подвале маяка переложил то самое пёрышко из дневника Кротова — маленькое, почти невесомое, но сейчас, когда он коснулся его сквозь пластик, ему показалось, что оно пульсирует, как живое, и излучает слабое, едва уловимое тепло.

Он ничего не сказал Вере об этой находке — не потому, что хотел скрыть, а потому, что сам ещё не понимал, зачем она ему, эта частица иного мира, и почему он не может заставить себя оставить её на столе.

Они вышли из гостиницы, когда Мглистый уже спал — если вообще можно назвать сном то оцепенение, в которое погрузился город с наступлением ночи. Ни одно окно не горело, ни одна собака не лаяла, и даже ветер стих, словно притаился, ожидая развязки. Дорога к маяку теперь казалась знакомой, почти родной, и это пугало Алексея больше всего — то, с какой скоростью здешний кошмар становится привычным, вырастает в реальность, как корни в землю.

Он шагал рядом с Верой, плечом к плечу, и в кармане его куртки, прижатый к сердцу, лежал прозрачный пакетик, в котором билось, разгораясь и затухая, крошечное чёрно-жемчужное пёрышко. Где-то впереди, над невидимой громадой маяка, начинал разгораться лунный свет — и в нём, как в проявителе, медленно проступали контуры двух дымных, зыбких фигур, ожидающих гостей на самой вершине.

Они переступили порог маяка, и винтовая лестница уводила их вверх, в самое сердце башни, и каждый шаг отдавался в железных ступенях долгим, стонущим гулом, словно старая башня ворчала сквозь сон, потревоженная незваными гостями. Воздух наверху был иным — разреженным, холодным, с металлическим привкусом, какой бывает перед сильной грозой, хотя небо за разбитыми окнами фонарного помещения оставалось обманчиво чистым, усеянным бледными, дрожащими звёздами. Вера поднялась первой и остановилась в центре круглой комнаты, где когда-то вращалась линза, а теперь сиротливо темнел ржавый механизм, похожий на скелет доисторического зверя. Сквозь пустые проёмы окон сочился лунный свет — густой, почти осязаемый, он ложился на каменный пол белёсыми лужами и рисовал на стенах перекрестья оконных переплётов, деформированные временем и кривизной кладки.

Алексей остался у входа, у самой кромки лестничного провала, и торопливо, путаясь в ремешках, достал камеру. Пальцы не слушались, видеоискатель запотевал от дыхания, но он всё же нажал кнопку записи, и красный огонёк загорелся, подрагивая, как чей-то насторожённый глаз. Он не знал, зачем снимает, — возможно, чтобы сохранить рассудок, создав иллюзию контроля, возможно, чтобы оставить свидетельство, которое никто никогда не увидит, а возможно, просто потому, что камера была единственным щитом, который он мог выставить против надвигающегося абсурда.

Вера не обращала на него внимания; она стояла, запрокинув голову к пролому в потолке, где обвалившаяся кладка открывала кусок неба, и лицо её, залитое лунным серебром, казалось лицом человека, стоящего на палубе тонущего корабля — без надежды, но и без страха, с одним лишь сосредоточенным, почти молитвенным спокойствием.

А потом гаснущий край солнца, всё ещё тлевший где-то за горизонтом, окончательно утонул в свинцовой толще моря, и мир за пределами маяка изменился. Сначала пропали звёзды — их погасила не туча, а что-то иное, какая-то вибрация в самом воздухе, сгустившая пространство в кисель. Затем пришёл звук — не внезапно, не громом с ясного неба, а исподволь, как прилив, как жар, поднимающийся от затылка к макушке: хлопанье тысяч невидимых крыльев, заполнившее всё снаружи, от горизонта до маяка, и от этого хлопанья начинали дрожать стеклянные осколки в оконных рамах, и дрожь эта передавалась камню, а от камня — костям, и Алексею казалось, что его тело сейчас рассыплется, разобранное этой низкой, утробной частотой. Камера в его руках задрожала, фокус сорвался, изображение на экранчике пошло рябью, но красный огонёк записи всё ещё горел.

Вера вскрикнула, но не от боли и не от ужаса — это был короткий, изумлённый выдох, какой вырывается у человека, увидевшего нечто прекрасное до невозможности. Вокруг неё, словно из ниоткуда, начал сплетаться кокон — пульсирующий, сотканный из лунного света и теней, которые почему-то не растворялись в сиянии, а становились только гуще, обретали объём, форму, вес. Тени эти двигались, перетекали одна в другую, и в их движении угадыва-

лись очертания крыльев, множества крыльев, накладывающихся друг на друга, как слои слюды, и свет, проходя сквозь них, дробился в радужные спектры, которых не должно было существовать.

Алексей сорвался с места, забыв о камере, и бросился к ней, вытянув руку так, словно пытался выхватить ребёнка из-под колёс несущегося поезда, — и его пальцы коснулись её запястья, живого, тёплого, крепкого, он почувствовал её пульс, частый, как у пойманной птицы, и сжал руку изо всех сил, так что побелели костяшки.

— Держись! — крикнул он, но голос его утонул в шуме крыльев, как камень в вате.

Вера обернулась к нему — медленно, словно преодолевая сопротивление воды, — и он увидел её глаза. В них больше не было того ледяного спокойствия, что пугало его в гостинице; в них плескалось что-то совершенно иное, что-то похожее на узнавание, на радость, на встречу после долгой разлуки. Она улыбнулась — не ему, а кому-то или чему-то за его спиной, там, где клубились тени, — и разжала пальцы, которые до этого сжимала в кулак у груди. И тогда Алексей понял: она не хваталась за него в ответ, не боролась. Её рука в его ладони была податливой, как рука человека, который уже отпустил.

Тени сомкнулись плотнее, и свет внутри кокона стал ослепительным, как магниевая вспышка; на долю секунды Алексей увидел внутри этого сияния два силуэта вместо одного — женский, тонкий, и мужской, повыше, с надломленной улыбкой, проступившей сквозь пелену, — и услышал голос, не ушами, а где-то в самой сердцевине сознания, голос, который произнёс всего одно слово: «Спасибо». А потом его пальцы, сжимавшие запястье Веры, сомкнулись на пустоте. Никакого переходного состояния, никакого медленного угасания — она просто перестала быть там, где была мгновением раньше, и воздух, который она занимала, схлопнулся с тихим, почти неслышным хлопком, оставив после себя только запах сухих трав и старого мёда, тот самый, из подвала маяка.

Алексей упал на колени, оглушённый, и камера выпала из его ослабевших пальцев, стукнулась о каменный пол, но не разбилась — красный огонёк продолжал гореть, объектив смотрел в пустоту. А на том месте, где только что стояла Вера, на холодных плитах, залитых лунным светом, лежало перо. Оно было длинным, маховым, и казалось прозрачным, но внутри него, как в стеклянном сосуде, медленно переливалось жемчужное свечение, рождаясь где-то в глубине стержня и угасая у самых краёв опахала.

И когда Алексей протянул к нему дрожащую руку, он услышал затухающий шум крыльев где-то высоко над маяком и понял, что в небе сейчас летят две тени — крыло к крылу, — а он остался стоять на коленях в пустой башне, сжимая в кулаке тёплое, живое, пульсирующее перо, и тишина вокруг была такой полной, что он слышал, как бьётся его собственное сердце — и как, в такт ему, бьётся что-то ещё, внутри пера, в ладонях, в воздухе, во всём мире разом.

Сколько он простоял на коленях, Алексей не знал. Время в опустевшей башне перестало течь привычным образом — оно не шло и не стояло, а сгушалось вокруг него слоями, как смола, и каждый вдох давался с усилием, словно воздух приобрёл вес и плотность воды. Лунный свет медленно полз по каменным плитам пола, и когда его край коснулся коленей Алексея, тот наконец пошевелился — медленно, как человек, только что очнувшийся от глубокого обморока. Перо в его ладони всё ещё пульсировало, но теперь это свечение стало ровнее, тише, словно сердцебиение, которое постепенно затихает в груди засыпающего. Он бережно, почти благоговейно положил его в тот же прозрачный пакетик, где уже лежало перо Кротова, и два пера, соприкоснувшись, на мгновение вспыхнули — одно чёрно-жемчужное, другое прозрачно-белое, — а потом погасли, и в пакетике остался лишь слабый, тёплый отсвет, как от углей, подёрнутых пеплом.

Он поднялся на ноги, опираясь о ржавый остов линзового механизма, и тут его взгляд упал на стену под самым потолком — туда, где копоть от старого фонаря наслаивалась десятилетиями, образуя чёрный, маслянистый нагар. Сквозь эту копоть проступали буквы — не

нарисованные краской и не выцарапанные ножом, а словно выжженные изнутри самого камня, проступившие, как проступает через бумагу текст на обратной стороне страницы.

Они светились тем же жемчужным, лунным светом, что и перья, и Алексей, запрокинув голову, прочёл их один за другим, чувствуя, как каждый слог отдаётся в груди глухим, размеренным ударом: «Становятся птицами только те, кто добровольно шагнул за грань». Фраза была короткой, но в ней помещалось больше, чем во всех томах прочитанных им орнитологических трудов, — она была не объяснением, а приговором, и в то же время оправданием всего, что случилось с Дмитрием и Верой. Они не были жертвами, они не были похищены — они сделали выбор, тот самый, о котором писала Вера там, в гостиничном номере, глядя в чёрное стекло.

Алексей опустил голову, и что-то внутри него — то ли страх, то ли скорбь, то ли странное, неуместное облегчение — наконец нашло выход. Он заплакал — скупое, без рыданий, просто почувствовал, как горячая влага бежит по щекам, смывая пыль маяка и соль с морского ветра. Это были слёзы не отчаяния, а прощания, и текли они легко, почти радостно, словно вместе с ними уходило всё накопившееся напряжение последних суток. Он стоял посреди пустой башни, один, но одиночество это больше не было враждебным — оно было наполненным, почти торжественным, как тишина в храме после того, как отзвучал последний аккорд.

А потом он поднял голову к небу — к тому самому пролому в потолке, куда ещё недавно смотрела Вера, — и увидел, как туман, столько дней душивший Мглистый, начал расступаться. Это не было похоже на обычное движение облаков; туман не сносило ветром, а раздвигало изнутри, словно невидимая рука разводила занавес, и в образовавшемся разрыве показался кусок чистого, глубокого, предрассветного неба, усеянного бледнеющими звёздами.

И в этом небе, высоко-высоко, почти на границе видимости, скользили две тени — стремительные, лёгкие, с очертаниями птиц, но птиц такой величины, какой не бывает в земной природе. Они летели крыло к крылу, и в их полёте не было ни хаоса, ни борьбы — только совершенная, выверенная гармония, словно каждое движение одного крыла рождало ответное движение другого, и этот безмолвный танец был древнее самого маяка, древнее моря, древнее времени. Одна тень была чуть крупнее, с размашистыми, сильными взмахами, другая — изящнее, легче, и Алексей, глядя на них, вдруг понял с той предельной, оглушительной ясностью, какая приходит только раз в жизни, что это Дмитрий и Вера — не души их, не призраки, а они сами, преображённые, ставшие тем, чем им суждено было стать с самого начала.

Он смотрел, не отрываясь, пока две тени не превратились в точки, а точки не растворились в светлеющей синеве, и когда последний отблеск их крыльев погас, в небе осталась только одна звезда — Венера, утренняя, яркая, как обещание.

И тогда он услышал её — ту самую мелодию, сумеречный зов, который преследовал их с первой минуты в этом городе. Только теперь она звучала не снаружи, не в стенах маяка, не над водой, а внутри него — тихо, почти неслышно, как далёкий перезвон хрустальных колокольчиков, как песня, которую напеваешь про себя, ещё не проснувшись до конца. Мелодия не была страшной или угрожающей; она была печальной и светлой одновременно, и в ней угадывались голоса — не слова, не мысли, а чистые интонации, знакомые и родные: смех Веры там, в библиотеке, её шёпот в подвале маяка, и даже тот, единственный раз слышанный голос Дмитрия, который он не слышал никогда, но теперь узнавал безошибочно. Мелодия обвилась вокруг сердца, как тёплая нить, и Алексей вдруг понял, что она была там всегда, с самого рождения, просто он не умел слушать — а теперь научился.

Он подобрал камеру с пола, выключил её и убрал в сумку, не проверяя запись, потому что знал: плёнка пуста, и никакие приборы не зафиксируют то, что произошло здесь этой ночью. Затем он спустился по винтовой лестнице — вниз, в подвал, к магнитофону и чучелам, — и аккуратно, не торопясь, извлёк бобину с записью, уложил её в жестяную коробку и забрал с собой, вместе с дневником Кротова, который Вера оставила на каменном полу фонарного

помещения. Он не знал, зачем ему эти вещи и что он будет с ними делать, но чувствовал, что бросить их здесь было бы неправильно — всё равно что бросить в лесу раненую птицу.

Когда он вышел из маяка, Мглистый уже просыпался. Туман окончательно рассеялся, и над рекой поднимался жидкий, водянистый рассвет, окрашивая воду в розоватые и серые тона. Воздух был чист, прозрачен и неожиданно тёпл, и Алексей вдруг услышал звук, которого не слышал с момента своего приезда: где-то в прибрежных кустах робко, неуверенно запела синица, и ей тут же ответила другая, и третья, и через минуту весь берег наполнился обыкновенным, будничным птичьим гомоном — воробыным чириканьем, вороньим граем, дробью дятла где-то в глубине рощи. Птицы вернулись в город, и это было так просто, так естественно, что Алексей остановился посреди тропы и рассмеялся — тихо, устало, но искренне.

В кармане его куртки, у самого сердца, лежали два пера и дневник смотрителя маяка. Мелодия внутри больше не звучала — она затаилась, ушла вглубь, но он знал, что она не исчезла навсегда. Когда-нибудь, через годы или через десятилетия, в какой-нибудь тихий сумеречный час, она проснётся снова и позовёт его — не как врага, не как жертву, а как старого друга, которому пора возвращаться домой. И он ответит на этот зов, потому что теперь понимал: страшен не сам шаг за грань, страшно — прожить жизнь, ни разу не услышав музыки собственного сердца. А он её слышал. И она осталась с ним навсегда.

Ключ Без Замка

В то утро город умывался серой моросью — мелкой, почти невесомой, но удивительно назойливой. Илья Бергман стоял у окна своей мастерской, зажав плечом телефонную трубку, и рассеянно чертил на запотевшем стекле ломаную линию карниза. Голос в трубке был сух и деловит. Нотариальная контора «Гольдберг и сын» сообщала, что некая Клара Вайс, двоюродная бабушка со стороны матери, скончалась две недели назад. Илья нахмурился, пытаясь

выудить из памяти хоть что-то — лицо, запах духов, обрывок фразы. Пустота. Мать редко говорила о родне, а после её смерти и вовсе оборвались последние нити.

— Вы должны явиться за оставленным для вас отправлением, — бесстрастно продолжал голос. — Завещательного характера оно не несёт, так что можете не беспокоиться о налогах. Просто пакет.

Спустя час Илья уже толкал тяжёлую дубовую дверь с потускневшей медной табличкой. Внутри пахло пылью, старым сургучом и едва уловимо — камфарой, как в квартирах глубоких стариков. Помощник нотариуса, юноша с неестественно прямой спиной и пробором цвета мокрого пепла, протянул ему плотный конверт из желтоватой бумаги. Ни подписи, ни герба — только штемпель конторы.

— Клара Вайс, — произнёс юноша, и в его тоне проскользнуло нечто похожее на уважительный испуг. — Вы ведь знали её лично?

— Нет, — Илья взвесил конверт на ладони. Лёгкий, почти пустой. — Совсем не знал.

Обратно он шёл пешком, сунув конверт во внутренний карман плаща. Дождь к тому времени перестал, но небо оставалось низким, рыхлым, будто ватное одеяло. Лишь в подъезде, перешагивая через лужу у батареи, он сломал хрусткий сгиб бумаги.

В конверт был вложен ключ. Ни записки, ни открытки, ни гербовой карточки с вензелем — только ключ и крохотный, вырванный будто второпях клочок линованной бумаги. Илья выудил его двумя пальцами.

Ключ был странный. Не латунный, не стальной даже — а из какого-то тёмного, неестественно холодного металла, которого Илья, архитектор по профессии и любитель старины по душевной склонности, прежде не встречал. Бородка казалась избыточно сложной, но при этом незаконченной, словно её фрезеровали на ощупь. Стоило повернуть ключ под тусклой лампочкой прихожей, и по граням пробежал синеватый, почти ртутный отлив.

Он перевернул клочок бумаги. Крупным, летящим почерком — не старческим, скорее порывистым — там значилось всего три слова: «Ключ без замка».

Илья нахмурился. Он перечитал фразу раз, другой. Ни даты, ни подписи, ни тени приязнанности. Клара Вайс явно не собиралась облегчать ему задачу.

Он прошёл в кухню, положил ключ на белую гладь стола и сел напротив, глядя, как свет из окна медленно сползает с металла. Ключ не тускнел, не нагревался от комнатного тепла. Казалось, он сам излучает тихий, глубинный холодок — не пугающий, но настойчивый, как немой вопрос.

В тишине квартиры что-то едва слышно потрескивало — старые батареи, рассыхающийся паркет. Но Илье вдруг почудилось, что звук идёт именно от ключа. Словно далеко-далеко, на границе слышимости, проворачивается несмазанный механизм.

Он потянулся к телефону, пролистал список контактов и замер. Звонить было некому. Старые друзья давно разъехались, коллеги только пожмут плечами. А звонить в архив или музей с вопросом «чей это ключ» было всё равно что выйти на площадь и просить прохожих опознать каплю дождя.

Тогда Илья снял с полки массивную лупу и склонился над столом. Теперь ему показалось — или действительно? — что бороздки меняют рисунок, когда он долго на них смотрит. Не как жидкий металл, а скорее как узор из веток, проступающий через туман. Он моргнул, потёр глаза — всё возвращалось на место, кроме одной детали: в самом сердце бородки теперь виднелся крошечный гравированный знак. Стилизованная башня. Или ворота. Или и то, и другое разом, в зависимости от того, под каким углом падал свет.

За окном загудела сирена скорой, заставив его вздрогнуть. Илья отложил лупу и впервые за долгое время ощутил, что абсолютно не знает, что делать дальше. Ключ лежал на столе и молчал. Но молчание это было густым, ватным, и в нём, казалось, уже зрело начало долгого, неизбежного пути.

Не отводя взгляда от тусклого металла, он выдвинул ящик стола, достал старый путеводитель по городу и раскрыл его на форзаце. Адрес бабушки Клары. Квартира на Гончарной улице, которую он ни разу не посетил. Где-то там, среди пыльных портьер и забытых фотографий, возможно, ещё теплился ответ. Или хотя бы его слабая, ускользающая тень.

На следующее утро он уже стоял перед дверью квартиры на Гончарной. Душеприказчик, усталый мужчина с обвисшими усами, впустил его, вручил ключи от входной двери и удалился, бормоча что-то о сроках описи имущества. Илья остался один.

Внутри пахло старым лавандовым мылом и застоявшейся тишиной. Он прошёлся по комнатам, включая свет, где тот ещё работал. Клара Вайс жила скромно, почти аскетично: вытертый паркет, тяжёлые портьеры, фарфоровая пастушка на серванте. Но чем дальше Илья продвигался вглубь квартиры, тем отчётливее ощущал смещение — невидимое, но явное. Словно пространство здесь подчинялось иной геометрии, чем снаружи.

В последней, дальней комнате он замер на пороге. В отличие от прочих, эта была заперта. Но не на замок — дверной проём закрывал навесной засов, явно врезанный позже и грубее, чем требовала старая филёчатая дверь. Илья потянул за ручку. Засов скрежетнул, но не поддался.

Тогда он снова достал странный ключ из кармана. Металл на ощупь был всё так же холоден, но теперь, в сумраке коридора, Илья заметил то, что упустил дома: холод не был равномерным. Отдельные грани словно вытягивали тепло из пальцев, другие оставались нейтральными. Ключ пульсировал микроскопическими перепадами температуры, будто отзывался на что-то спрятанное совсем близко.

Он поднёс ключ к засову. Ни одна бороздка не совпадала с прорезью — да ключ и не был предназначен для подобного механизма. Но стоило прикоснуться металлом к железу засова, как по пальцам пробежал лёгкий, сухой треск, и засов вдруг отошёл сам, будто внутри лопнула невидимая пружина. Илья отступил на шаг. Дверь медленно, со стоном приоткрылась, выпуская в коридор волну холодного воздуха.

Внутри оказалась комната, заставленная стеллажами. Но не книгами — картами. Десятки, сотни карт, свёрнутых в рулоны, разложенных на столах, приколотых к стенам пожелтевшими булавками. Свет уличного фонаря, проникая сквозь давно не мытое окно, вырисовывал на бумаге причудливую вязь улиц, площадей и переулков.

Илья шагнул внутрь и огляделся. Это были планы одного и того же района — старого, ещё дореволюционного города. Но на полях, торопливым почерком Клары, змеились пометки, стрелки и вопросительные знаки. Кое-где карты были пробиты булавками с нанизанными на них бумажными флажками, а между булавками тянулись красные шёлковые нити, образуя сложную, лихорадочную сеть.

Он наклонился над центральным столом, где лежала самая большая карта. Она изображала квартал, примыкавший к реке, — запутанный лабиринт кривых улочек, лестниц и внутренних дворов. Илья знал город хорошо и сразу понял, что это за место. Вернее, понял, что не понимает.

Схема не совпадала с современной планировкой. На карте значились переулки, которых больше не существовало, площади, застроенные многоэтажками ещё в семидесятых, и целый жилой массив, носивший название «Подгорный квартал». Он обвёл взглядом всю карту и отыскал его очертания: плотное скопление домов вокруг круглой площади, от которой лучами расходились пять улиц. В центре, почти неразличимое в тенях, темнело пятно — то ли здание, то ли провал, отмеченное лишь одной буквой «В».

Илья сглотнул и выпрямился. Он полез в телефон, открыл картографическое приложение и увеличил тот же район. На современной схеме не было ни круглой площади, ни пяти улиц, ни тем более загадочного квартала. На его месте расползались безликие промзоны и гаражи.

Он снова перевёл взгляд на бумажную карту. Красные нити тянулись от Подгорного квартала к другим частям города, словно кто-то пытался установить связь между исчезнувшим рай-

оном и нынешними улицами. Кое-где нити обрывались, кое-где свивались в узлы, а в одном месте сходились в пучок, пронзённый единственной булавкой с обрывком бумаги. На обрывке значилось: «Точка резонанса».

Ключ в кармане заметно потяжелел. Илья сунул руку в карман и сжал металл в кулаке. На этот раз он был готов поклясться, что ключ едва заметно вибрирует, как камертон после удара.

В углу комнаты стоял бюро с выдвижными ящиками. Илья открыл верхний. Там лежали старые газетные вырезки. Заголовки пожелтели, но всё ещё читались: «Загадочная просадка грунта в центральном районе», «Жители жалуются на подземный гул», «Архитектор Вольдемар Фрост объявляет о новом градостроительном проекте». На последней вырезке фотография — высокий человек с угловатым лицом и пронзительным взглядом стоял перед макетом того самого здания, которое на карте было обозначено таинственной буквой «В».

Илья положил вырезку на стол и сел в скрипучее кресло. Карты вокруг него молчали, но их молчание было иным, чем в его собственной квартире. Здесь тишина гудела, как натянутая струна. Где-то в недрах старых бумаг, среди нитей и булавок, таился ответ. Или, возможно, ещё более глубокий, непроглядный вопрос.

Он снова вынул ключ и положил его поверх карты, прямо на то тёмное пятно в центре Подгорного квартала. Металл лёг на бумагу, и Илье на мгновение показалось, что красные нити чуть дрогнули, отзываясь на его присутствие. За окном прошумела машина, хлопнула где-то подъездная дверь. А ключ всё лежал на карте, холодный и неподвижный, и синеватый отлив на его гранях в точности совпадал с оттенком чернил, которыми неведомая рука когда-то нанесла на схему исчезнувший квартал.

Остаток вечера Илья провёл, пытаясь нащупать хоть какую-то зацепку, а утром отправился к городским антикварам. Адрес Матвея Гросса всплыл случайно — кто-то из старых знакомых обмолвился, что тот скупает необычные вещицы. Лавка обнаружилась в проулке, который Илья сто раз миновал, не замечая.

Вывески не было вовсе, только узкое окно, где за мутным стеклом пылились медные весы и корабельный барометр с треснувшим циферблатом. Над дверью висел крохотный колокольчик, но когда Илья вошёл, тот не звякнул, а лишь глухо, по-деревянному стукнул, будто язык примёрз к стенкам.

Внутри пахло сургучом, старыми книгами и ещё чем-то неуловимым — не то сухим хмелем, не то ладаном, пережившим своего владельца на два столетия. Свет сочился сквозь засиженные мухами плафоны, выхватывая из полумрака стеллажи, забитые всякой всячиной: почерневшие серебряные ложки, фарфоровые куклы с выцветшими глазами, стопки географических атласов, бархатные шкатулки без замков. В глубине лавки, за конторкой, обитой зелёным сукном, сидел старик.

Он был так неподвижен, что Илья сначала принял его за часть обстановки — огромный, будто вырезанный из старого дуба, с лицом, на котором время прочертило глубокие, почти геологические складки. Одет он был в шерстяной жилет, несмотря на духоту, и вязаные перчатки с отрезанными кончиками пальцев. На Илью он взглянул из-под кустистых бровей спокойно, без любопытства.

— Вы Матвей Гросс? — Илья шагнул ближе, стараясь не задеть локтем шаткий канделябр.

Старик не ответил. Вместо этого он медленно отложил перьевую ручку, которой что-то выписывал в толстой конторской книге, и снял очки в проволочной оправе. Взгляд его, теперь ничем не прикрытый, оказался удивительно ясным, почти молодым — и цепким, как у птицы.

— Допустим, — произнёс он глуховатым, но твёрдым голосом. — А вы, стало быть, по объявлению? Я больше не беру учеников.

— Я не ученик. — Илья достал из кармана ключ, предварительно завернутый в носовой платок, и осторожно, словно боялся обжечься, положил его на край конторки. — Я хотел бы знать, что это такое.

Старик опустил взгляд на свёрток. Несколько секунд он не шевелился. Затем в воздухе что-то переменялось — словно в лавке стало на градус холоднее. Матвей Гросс медленно, не отрывая глаз от платка, стянул перчатку с правой руки. Пальцы у него были узловатые, с тёмными пятнами старости, но двигались они с неожиданной лёгкостью. Он откинул край ткани.

Когда металл блеснул в тусклом свете, старик не вздрогнул — он замер так, как замирает человек, увидевший не опасность, а подтверждение давнего, почти забытого страха. Потом он втянул воздух сквозь зубы, и на его лице проступила бледность, заметная даже при плохом освещении.

— Уберите, — сказал он тихо, почти шёпотом.

Илья не двинулся. Старик сам потянулся к ключу, но пальцы его зависли в дюйме от металла, не решаясь прикоснуться.

— Где вы это взяли?

— Семейное наследство, — Илья старался говорить ровно. — От родственницы, которую я едва знал.

— Едва знали... — повторил Гросс и наконец поднял глаза на гостя. Теперь в них не было ни цепкости, ни спокойствия — только глубокая, какая-то древняя тревога. — Молодой человек, вы принесли в мой дом проводник отсутствия.

Илья нахмурился:

— Проводник отсутствия? Что это значит?

Старик отодвинулся от конторки вместе с табуретом. Достал из кармана жилета несвежий платок и промокнул лоб.

— Это значит, что ваш ключ не отпирает ничего, что существует. Он отворяет то, чего нет. Или когда-то было, но перестало быть по чьей-то злой или отчаянной воле. Такие вещицы не имеют замков. Замок остаётся по ту сторону прорехи.

Он кивнул в сторону заставленного стеллажами окна, за которым уже сгушались сумерки.

— Вы архитектор? — вдруг спросил он, глядя в лицо Ильи.

— Да. Откуда вы...

— У вас пальцы в туши. И вы смотрите на предметы так, будто видите их чертежи. — Гросс горько усмехнулся и тут же посерьёзnel. — Послушайте моего совета. Выбросьте это. Не в мусорное ведро — в проточную воду, лучше всего в реку с быстрым течением. И забудьте, что держали его в руках.

— Почему? — Илья подался вперёд. — Что именно я держу? Вы сказали — прореха. Что это значит? Вы знаете человека по имени Вольдемар Фрост?

При упоминании этого имени старик резко выпрямился, и табурет под ним скрипнул, как живой.

— Фрост... — выдохнул он. — Значит, всё-таки всплыло. Я надеялся, что старый безумец унёс свои секреты в могилу, не оставив ключей. — Он горько рассмеялся, и смех этот был похож на кашель. — Буквально и в переносном смысле. Вы хоть понимаете, что стоите на краю дыры в реальности?

Он вдруг осёкся, будто сказал больше, чем позволял себе. Лицо его затвердело, складки у рта углубились.

— Больше я ничего не скажу. И вам не советую копаться в этом. Выбросьте ключ, живите спокойно. В вашем городе хватает других загадок, попроще.

— Но я уже нашёл карты, — тихо произнёс Илья. — Подгорный квартал. Красные нити. Я знаю, что есть точка резонанса.

Гросс замер. На этот раз молчание длилось дольше обычного, и в нём явственно слышалось, как где-то в глубине лавки осыпается штукатурка. Потом старик поднялся во весь рост — высокий, сутулый, и отчего-то стало видно, что когда-то он был сильным человеком.

— Уходите, — сказал он глухо, но тут же добавил с неожиданной резкостью: — Пойдите. — Он задержал Илью взглядом. — Берегитесь человека по имени Ротман. Он тоже ищет этот ключ.

— Кто такой Ротман?

— Коллекционер. Охотник за отсутствием. — Гросс отвернулся и занялся полкой с какими-то жестянками, давая понять, что разговор окончен. — Унесите эту вещь из моего дома. Я не желаю иметь с ней ничего общего. Ни с ней, ни с тем, что она открывает.

Илья постоял ещё мгновение, глядя на его напряжённую спину, потом медленно завернул ключ обратно в платок и сунул в карман. Металл обжёг ладонь холодом — сильнее прежнего.

Уже у двери он обернулся. Матвей Гросс стоял к нему спиной, но рука его, державшая какую-то шкатулку, мелко подрагивала. Из-под жилета на мгновение показалась цепочка с медальоном — тусклый овал, на котором, как показалось Илье, был выгравирован тот же знак, что и на ключе: башня, или ворота, или и то, и другое разом.

Колокольчик над дверью глухо стукнул, выпуская его в сырую темноту проулка. Ключ в кармане больше не вибрировал — он давил вниз тяжестью, какой не могло быть у куска металла размером с мизинец. Илья постоял, вдыхая запах мокрой листвы, и посмотрел на окно лавки. За стеклом едва теплился свет, но фигуры старика видно не было.

Он не знал, что страшнее: то, о чём умалчал Матвей Гросс, или то, что тот носил на груди символ, в точности повторяющий гравировку на ключе. И он вдруг понял: выбросить ключ теперь не получится, даже если бы он захотел. Потому что ключ уже что-то отомкнул. Внутри него самого.

Следующим утром Илья стоял перед дверьми городского архива, располагавшегося в бывшем особняке купца Строганова — здании с лепными гирляндами на фасаде и чугунными ступенями, стёртыми тысячами ног до зеркального блеска. Внутри гудели лампы дневного света, и от этого монотонного жужжания у Ильи к середине дня уже ломило в висках. Он перерыл три картотечных шкафа и просмотрел десятки папок, но имя Вольдемара Фроста не нашлось ни в одном каталоге.

На помощь пришла сотрудница читального зала — невысокая женщина лет тридцати пяти с пучком рыжеватых волос, заколотых простой деревянной шпилькой. Представилась Алисой Грин, историком, специалистом по градостроительной документации начала прошлого века. Она сидела за дальним столом, заваленным чертежами, и на Илью поначалу едва взглянула.

— Фрост, Вольдемар Фрост, — повторила она, пробуя имя на вкус. — Вы уверены, что правильно пишете?

— Абсолютно. — Илья положил перед ней газетную вырезку с фотографией.

Алиса поправила очки в тонкой золотой оправе и склонилась над снимком. Несколько секунд изучала угловатое лицо архитектора, затем перевела взгляд на Илью, и в её глазах блеснул профессиональный интерес, смешанный с лёгкой настороженностью.

— Странно, — произнесла она. — Официальный реестр не содержит ни одного проекта, подписанного этим именем. Но я точно видала его раньше. Не в каталогах — в личном архиве.

Она поднялась, жестом попросив Илью следовать за ней. Они прошли через служебную дверь, миновали коридор с высокими сводчатыми потолками и оказались в небольшой комнате без окон. Стены здесь были заставлены металлическими стеллажами до самого потолка, а воздух казался сухим и спёртым.

— Сюда редко кто заходит, — пояснила Алиса, выдвигая длинный ящик с надписью «Неатрибутированные материалы». — Год назад нам передали частную коллекцию одного кол-

лекционера. Он собирал всё подряд: письма, дневники, чертежи. Половина не подписана, половина подписана неразборчиво. Но среди этого хаоса был один документ, который меня заинтересовал.

Она извлекла из ящика папку без ярлыка, обтянутую выцветшим коленкором, и бережно раскрыла на столе. Внутри лежал дневник. Пожелтевшие страницы, исписанные убористым, нервным почерком, кожаный переплёт с потрескавшимся корешком. От дневника пахло пылью, воском и едва уловимо — скипидаром.

— Архитектор Фрост, — прошептала Алиса, перелистывая страницы. — Это его рука. Я сверяла с образцами в других архивах — совпадает.

Илья наклонился ближе. На пожелтевшей бумаге мелькали планы зданий, расчёты нагрузок на фундамент, чертежи арочных сводов. Но чем дальше Алиса листала, тем страннее становились записи. Цифры уступали место словам, чертежи сменялись диаграммами, напоминающими астрологические карты. На одной странице был изображён лабиринт с подписью «Контур сдерживания». На другой — схема, в центре которой темнел круг с пометкой «Ядро стазиса».

— Здесь он пишет о чём-то, что называет «механизмом обращения», — Алиса провела пальцем по строчкам. — Я пыталась расшифровать, но терминология слишком специфическая. Похоже на архитектурную теорию, но одновременно — на какую-то метафизику.

Она остановилась на одной из последних страниц. Илья замер.

На всю левую страницу разворота был нанесён рисунок. Тушь, почти не выцветшая. Ключ. Каждая бороздка, каждый изгиб металла были прорисованы с точностью чертёжника, и Илья мгновенно узнал предмет, лежащий в его кармане. Тот самый синеватый отлив, та самая незавершённая бородка, тот самый символ — башня или ворота — у самого основания.

— Вот оно, — выдохнул он и полез в карман. — У меня такой же.

Алиса уставилась на ключ, потом на рисунок, потом снова на ключ. Затем сняла очки, протёрла их краем рукава и снова водрузила на нос.

— Простите, — проговорила она медленно. — Вы утверждаете, что у вас в руках предмет, в точности совпадающий с рисунком из дневника человека, который исчез без вести восемьдесят лет назад?

— Исчез?

— Да. — Алиса отодвинулась от стола и теперь смотрела на Илью с тем же выражением, с каким смотрела на неатрибутированные манускрипты: смесь недоверия и острого любопытства. — Вольдемар Фрост пропал в 1913 году. Полицейское дело завели, но вскоре закрыли — не нашли ни тела, ни следов. В официальных бумагах значится «выехал за границу», но я проверяла — ни одна таможня не зафиксировала его отъезда.

Она перевернула несколько страниц и показала Илье последнюю запись в дневнике. Почерк здесь был другим — не нервным, а каким-то уставшим, придавленным. Строчки прыгали, буквы наползали друг на друга.

— «Я построил вход, но потерял право им воспользоваться», — прочла Алиса вслух. — «Ключ остался без замка, чтобы кто-то другой закрыл контур. Возможно, тот, кто никогда не желал этого наследства. Моя вина. Моё бремя. Пусть хранят молчание те, кто остался».

Она замолчала. В комнате стало тихо, только лампа под потолком продолжала свой бесконечный гул.

— «Кто-то другой закрыл контур», — повторил Илья. — Контур сдерживания. Ядро стазиса. Он построил не просто здание, верно?

Алиса не ответила. Она смотрела на ключ, и теперь в её глазах читалось не только любопытство, но и что-то похожее на тревогу.

— Вы понимаете, — заговорила она наконец, — что если записи Фроста не были метафорой, то мы имеем дело с технологией или явлением, которое он считал опасным настолько,

что пожертвовал собой ради изоляции? И что ключ, который вы держите в руках, — это буквально рубильник, оставленный на случай, если контур потребуется закрыть?

— Или открыть, — добавил Илья.

Они переглянулись. Алиса медленно закрыла дневник, но руки её задержались на обложке, словно ей не хотелось расставаться с находкой.

— Мне понадобится время, чтобы расшифровать остальные записи, — сказала она. — Но если вы хотите найти ответы, начинать нужно с того места, которое Фрост называл ядром. С точки на карте, где контур сходится в узел.

Илья уже открыл рот, чтобы рассказать ей о Подгорном квартале и красных нитях на карте Клары, но осёкся. Что-то в лице Алисы изменилось — она смотрела не на него, а куда-то в сторону двери, и в этом взгляде сквозило напряжение.

— Мы здесь не одни, — прошептала она, понизив голос до едва слышного шёпота. — Последние два дня мне казалось, что за мной кто-то наблюдает. Сначала я списывала на усталость. Но теперь...

Она не договорила. Где-то в конце коридора хлопнула дверь, и звук этот разнёсся по всему зданию. Илья спрятал ключ в карман, Алиса убрала дневник обратно в ящик, и оба застыли, прислушиваясь к тишине, которая внезапно перестала быть просто тишиной.

Спустя минуту звуки стихли. Но ощущение чужого присутствия осталось — липкое, холодное, как металл, лежащий в кармане у Ильи. И в этом ощущении таилось нечто куда более реальное, чем любой призрак из книг, — присутствие человека, у которого были собственные планы на ключ и на то, что он мог открыть.

Выйдя из архива, они, не сговариваясь, направились к Илье. Только его мастерская казалась достаточно защищённой от чужих глаз. Алиса сидела за большим чертёжным столом, подтянув под себя ноги, и методично разбирала фотокопии дневниковых страниц, которые они успели сделать перед уходом. Илья разложил рядом карту Клары с красными нитями, и теперь они работали молча, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами. За окном моросил дождь, и капли барабанили по жестяному отливу с монотонностью метронома.

— Вот, смотри, — Алиса пододвинула к нему лист. — Здесь он перестаёт использовать архитектурные термины и переходит на язык, больше похожий на философский трактат. «Обращение формы в память о форме». Звучит как поэзия, но дальше идут расчёты.

Илья вгляделся в столбцы цифр, перемежающихся схематичными рисунками арок и сводов. Почерк Фроста становился всё более лихорадочным, буквы прыгали, строки заваливались вправо, будто автор боялся не успеть записать то, что открылось ему в последний момент.

— «Механизм обращения», — прочёл Илья вслух, водя пальцем по строчкам, — «действует не на материю, а на свидетельство о материи. Здание, подвергнутое процессу, перестаёт существовать в настоящем, но остаётся в прошлом как воспоминание, слишком точное, чтобы быть просто воспоминанием».

Алиса откинулась на спинку стула и сняла очки. Глаза у неё оказались светло-серыми, почти прозрачными в скудном свете настольной лампы.

— Он говорит о сворачивании реальности, — медленно произнесла она. — Не о разрушении. Не о сносе. О перемещении объекта в другое состояние бытия. Здание не исчезает — оно перестаёт быть наблюдаемым в настоящем времени. Но остаётся там, в прошлом, как бы... законсервированным.

— И зачем архитектору такое делать? — Илья потянулся за кружкой с остывшим чаем, но замер на полпути. — Если только он не пытался спрятать что-то настолько опасное, что просто запереть двери было недостаточно.

Алиса перевернула страницу. Следующий разворот дневника был почти полностью занят чертежом. На плотной бумаге, испещрённой тонкими линиями туши, проступало здание — массивное, приземистое, с круглой башней в центре, от которой лучами расходились пять кор-

пусов. Илья мгновенно узнал планировку: та самая круглая площадь из Подгорного квартала, пять улиц, расходящихся звездой. В центре — таинственное пятно, подписанное буквой «В».

— «В» — это не «Вольдемар», — прошептала Алиса, сверяясь с записями на полях. — Это «Врата». Он называл это здание «Вратами контура». Оно было сердцем всего механизма. Не просто архитектурным объектом — якорем, удерживающим границу.

— Границу между чем и чем?

Алиса не ответила сразу. Она пододвинула к себе карту Клары и принялась изучать красные нити, сверяя их с чертежами Фроста. Пальцы у неё двигались быстро и точно, как у хирурга, и Илья вдруг подумал, что перед ним человек, который всю жизнь ждал именно такой загадки — не кабинетной, не архивной, а живой, дышащей в затылок.

— Он пишет о «нестабильной зоне», — заговорила она наконец. — О некоем разломе, который образовался под городом задолго до того, как сюда пришли люди. Фрост называл это «подземным гулом», «резонансной полостью». Он считал, что разлом способен влиять на реальность — исказить её, впускать что-то извне. Или изнутри. Он не был уверен до конца.

— И он решил закрыть эту дыру с помощью архитектуры? — Илья недоверчиво покачал головой. — Звучит как безумие.

— Безумие, которое сработало, — Алиса постучала пальцем по карте. — Подгорный квартал исчез. Не был снесён, не перестроен — его просто нет. Как будто кто-то аккуратно вырезал кусок городской ткани и сшил края. Но шрам остался. — Она перевела взгляд на Илью. — Твой ключ — это шрам в материальной форме.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только шорохом дождя. Илья вынул ключ из кармана и положил его поверх карты, прямо на круг с буквой «В». Металл снова отозвался холодом, но теперь Илья знал, что это не просто холод — это прикосновение к границе.

— Дальше он пишет о якорю, — Алиса перевернула страницу и пробежала глазами по строчкам. — «Чтобы удержать квартал в состоянии обратимой памяти, требуется материальная связь. Предмет, который существовал в обеих версиях реальности — до сворачивания и после. Ключ от Врат. Если ключ уничтожить, квартал вернётся, но вернётся и то, что было заперто внутри». — Она подняла глаза на Илью. — Он не хотел, чтобы квартал вернулся. Поэтому отдал ключ на хранение.

— Кларе, — прошептал Илья. — Клара Вайс была его внучкой. Она хранила ключ и молчала. Десятилетиями. — Он вспомнил пустую квартиру на Гончарной, карты с красными нитями, запертую комнату. Всё вставало на свои места, но легче от этого не становилось. — Она знала. Всё знала. И оставила это мне. Почему? Почему не уничтожила? Почему просто не выбросила?

— Может быть, боялась последствий? — предположила Алиса. — Или считала, что кто-то должен завершить то, что начал Фрост. «Пусть хранят молчание те, кто остался» — это о ней. О хранителях. О тех, кто носит ключ как проклятие, передавая из поколения в поколение.

Она замолчала и поёжилась, словно в комнате вдруг похолодало. Илья заметил, что её взгляд то и дело возвращается к дверному проёму, за которым царил сумрак коридора.

— Ты сказала, что за тобой следили, — тихо напомнил он.

— Да. — Алиса опустила взгляд на дневник. — И теперь я думаю, что следили не за мной. А за тем, что я могу найти. Кто-то знал, что дневник Фроста рано или поздно всплывёт. И ждал.

— Ротман, — выдохнул Илья, и услышанная от Гросса фамилия вдруг обрела плоть. Коллекционер. Охотник за редкостями. Человек, который собирает не вещи, а их отсутствие.

Алиса вопросительно подняла бровь, но прежде чем Илья успел объяснить, где-то внизу, в подъезде, хлопнула входная дверь. Тяжёлые шаги зазвучали на лестнице — размеренные, уверенные, не пытающиеся скрыться.

Они переглянулись. Илья быстро убрал ключ в карман, Алиса захлопнула дневник и спрятала фотокопии в папку. Шаги приближались. Кто-то поднимался на четвёртый этаж — не спеша, но и не останавливаясь.

— Если это Ротман, — прошептала Алиса, и в её голосе впервые послышалась дрожь, — то он пришёл не за дневником. Он пришёл за ключом.

Илья выключил настольную лампу. Теперь только уличный фонарь бросал на пол бледные, дрожащие прямоугольники света. Шаги замерли на лестничной площадке. Наступила тишина — та самая, ватная, звенящая, которую Илья уже научился распознавать как предвестие беды. За дверью кто-то стоял. Не звонил. Не стучал. Просто стоял — и ждал. И в этом молчаливом ожидании было больше угрозы, чем в любом взломанном замке. Потому что тот, кто пришёл, знал: они здесь. И никуда не денутся.

Тишина на лестничной площадке сгустилась до звона в ушах. Илья прижался плечом к холодному косяку и посмотрел в глазок. Рыбий глаз линзы искажал пространство, превращая лестничную клетку в выпуклый аквариум, но того, кто ждал снаружи, видно не было — лишь край тёмного рукава, застывший у самого косяка. Человек не звонил. Не стучал. Не произносил ни слова. Он просто стоял, и от этого молчаливого присутствия кожа на затылке у Ильи покрылась мурашками.

Алиса подошла сзади, стараясь ступать бесшумно. Она коснулась его локтя — лёгким, почти невесомым движением, но в этом прикосновении читался вопрос, на который у Ильи не было ответа. Он приложил палец к губам и указал глазами на дверь.

Затем раздался звук. Не скрежет — скорее влажное, маслянистое шуршание металла о металл. Кто-то очень умело вставлял отмычку в замочную скважину.

Илья отпрянул, потянув Алису за собой вглубь прихожей. В полумраке он нащупал на вешалке тяжёлую чертёжную линейку — старую, металлическую, с острым краем. Алиса, не дожидаясь подсказки, схватила со столика настольную лампу — массивную, с бронзовым основанием, — и выдернула вилку из розетки. Свет погас, и теперь только уличный фонарь бросал на пол косые прямоугольники дрожащего света.

Замок щёлкнул. Негромко, почти интимно, как поцелуй. Дверь медленно, плавно подавалась внутрь, и на пороге возник силуэт.

Коренастый, широкоплечий мужчина в длинном пальто, с головой, вдавленной в плечи, как у боксёра-тяжеловеса. Лицо его, подсвеченное тусклой лампочкой с лестницы, было грубо вылеплено — тяжёлая челюсть, перебитый нос, глубоко посаженные глаза, в которых не читалось ни злобы, ни азарта, только холодная деловитость наёмника. Он шагнул в прихожую, и дощатый пол отозвался глухим стоном под его весом.

— Ключ, — произнёс он. Не спросил. Не потребовал. Просто произнёс, будто называл цену, которая уже оговорена.

Илья не ответил. Вместо этого он шагнул вперёд и с размаху ударил линейкой по вытянутой руке незваного гостя. Металл звонко соприкоснулся с костью. Мужчина взревел — скорее от неожиданности, чем от боли, — и отшатнулся, задев плечом дверной косяк. В ту же секунду Алиса включила лампу, направив луч прямо ему в лицо. Свет полоснул по глазам, и громила зажмурился, выставив перед собой ладонь с короткими, тупыми пальцами.

— С-с-суки, — выдохнул он сквозь зубы и рванулся вперёд, пытаясь схватить Илью за ворот.

Но Илья был быстрее — сказались годы работы с тяжёлыми рулонами ватмана и деревянными макетами. Он уклонился, пропуская грузную фигуру мимо, и толкнул её плечом в сторону стены. Громила споткнулся о ковровую дорожку, потерял равновесие и рухнул на одно колено. Алиса тут же опустила лампу ему на спину — не убить, но оглушить. Бронзовое основание глухо ударило между лопаток, и мужчина зарычал, как раненый пёс.

В этот момент с лестничной клетки донёсся ещё один звук — торопливые, drobные шаги. Не один человек, двое или трое, поднимались снизу, и эхо металось в бетонном колодце подъезда, множась и искажаясь.

— Уходим, — прохрипел громила, с трудом поднимаясь на ноги. Он бросил на Илью взгляд, в котором на мгновение промелькнуло что-то почти человеческое — то ли уважение к противнику, то ли досада на проваленное дело. — Ротман всё равно получит ключ. Вы не знаете, что охраняете.

Он отступил к двери, вытирая разбитую губу тыльной стороной ладони. Через секунду его фигура растворилась на лестнице, и звук шагов — его и тех, что спешили снизу, — слился в один удаляющийся гул.

Илья захлопнул дверь и задвинул засов. Руки дрожали. Сердце колотилось где-то у самого горла. Он обернулся к Алисе — та стояла, всё ещё сжимая лампу, и тяжело дышала. Очки её съехали набок, рыжая прядь выбилась из пучка и прилипла к вспотевшему лбу.

— Ротман, — выдохнула она. — Значит, это правда. Коллекционер.

— Он не коллекционер, — Илья покачал головой, припоминая слова Гросса. — Он охотник. Только охотится не за вещами, а за тем, чего нет.

Он прошёл в мастерскую, быстро собрал со стола карту Клары и папку с фотокопиями дневника. Руки всё ещё не слушались, бумаги скользили, но он заставлял себя двигаться. Медлить было нельзя. Если люди Ротмана знают его адрес — а они, очевидно, знают, — то следующая попытка будет не такой неуклюжей. Или гораздо более неуклюжей, но с подкреплением.

— Эпицентр, — сказала Алиса, словно прочитав его мысли. — Дом самого Фроста. То место, где он построил Врата.

— Да. — Илья развернул карту. Красные нити сходились в круглую точку. — Я знаю, где это. Пустырь за старым трамвайным депо. Туда никто не ходит. Говорят, там всё время холодно, даже летом.

— Значит, идём сейчас. — Алиса решительно застегнула пальто, поправила очки и взяла папку под мышку. — Если ждать до утра, они перекроют нам ход. Или найдут способ забрать ключ раньше.

Илья кивнул. Он накинул плащ, проверил карман — ключ был на месте, по-прежнему холодный, по-прежнему тяжёлый не своей тяжестью. Затем оглядел мастерскую. Чертежи на стенах, макеты на полках, запах туши и бумаги — всё это вдруг показалось далёким, принадлежащим другой жизни, в которой не было ни ночных взломщиков, ни исчезнувших кварталов, ни холодного металла, прожигающего дыру в кармане.

Они вышли из квартиры, тщательно заперев дверь. В подъезде пахло сыростью и дешёвым табаком. Лампочка на площадке мигала, бросая на стены рваные тени. Илья прислушался. Тихо. Даже слишком тихо для старого дома, где обычно скрипят половицы и гудят трубы.

Они спустились по лестнице и вышли на улицу. Дождь перестал, но мостовая блестела в свете фонарей, и воздух был пропитан влагой до самого дна. Город спал — или притворялся спящим. Ни прохожих, ни машин, только где-то в отдалении прогрехотал последний трамвай.

Илья взял курс на север, в сторону реки, туда, где за ржавыми ангарами трамвайного депо начинался пустырь. Алиса шагала рядом, молчаливая и сосредоточенная, прижимая к груди папку с дневником. И оба они не заметили — или сделали вид, что не заметили, — как из арки соседнего двора отделилась тень. Не та, коренастая, а другая — длинная, худая, в надвинутой на глаза шляпе. Тень постояла, выждала несколько секунд и двинулась следом, держась на почтительном расстоянии, ровно настолько, чтобы не терять объект из виду, но и не выдать себя раньше времени.

Впрочем, Илья всё равно чувствовал этот взгляд — липкий, давящий, как духота перед грозой. Он не оборачивался. Он только сжал ключ в кармане, ощущая, как холод металла отдаётся в костяшки, и ускорил шаг. Впереди, за пеленой влажного воздуха, уже угадывались

очертания пустыря — пустого, тёмного, ждущего. Они миновали последний ржавый ангар, и пустырь начался внезапно — словно город здесь споткнулся и решил не заходить дальше.

Земля уходила вниз пологим склоном, поросшим сухим бурьяном и редкими, искривлёнными деревцами. В свете ущербной луны, то и дело нырявшей в облака, местность казалась декорацией к забытому сну — ненастоящей, но пугающе подробной. Ни огонька, ни собачьего лая, ни шороха шин по асфальту. Тишина стояла такая, что Илья слышал собственный пульс — глухие, размеренные удары где-то в висках.

Алиса первой ступила на утоптанную тропинку, змеившуюся среди зарослей. Она шла, низко опустив голову, сверяясь с чертежом Фроста, который держала в руке. В другой руке она сжимала карманный фонарик, но свет его, обычно яркий и резкий, здесь казался размытым, словно проходил сквозь невидимую дымку. Илья шагал следом, то и дело оглядываясь через плечо. Погони слышно не было, но ощущение чужого присутствия не отпускало — оно стало частью воздуха, таким же вездесущим, как запах прелых листьев и влажной земли.

— Здесь, — сказала Алиса внезапно, и голос её прозвучал глухо, будто придавленный окружающей тишиной. — Смотри.

Она опустила на корточки и провела ладонью по земле. Илья наклонился рядом. Под слоем пожелтой травы и мусора проступал камень — старый, грубо отёсанный, с едва заметной канавкой, уходившей вправо и влево. Фундамент. Край того самого здания, которое когда-то стояло здесь, а теперь существовало только в виде следа, вьёвшегося в почву.

Они медленно двинулись вдоль каменной полосы, расчищая ногами мусор. Контур вырисовывался всё яснее: квадрат, затем плавный изгиб, затем снова прямой участок. Фундамент описывал обширную, геометрически сложную фигуру, в центре которой угадывалось круглое основание — та самая башня, что на чертеже Фроста была обозначена буквой «В».

— Это оно, — прошептала Алиса. — Врата. Вернее, то, что от них осталось. Вернее... то, чем они стали.

Илья выпрямился и огляделся. Пустырь, ещё минуту назад казавшийся обычным заброшенным местом, теперь выглядел иначе. Воздух здесь был другим — плотным, тяжёлым, будто напитанным статическим электричеством. Волоски на руках поднялись дыбом. Звуки гасились, едва родившись: хруст гравия под ногами, дыхание, даже шёпот — всё тонуло в ватной толще тишины, которая была не отсутствием шума, а присутствием какого-то иного, неслышимого гула.

— Ты это чувствуешь? — спросила Алиса, и Илья кивнул.

Он не мог подобрать слов, но ощущение было такое, будто они стоят у самого края чего-то огромного и непостижимого — как если бы под ногами расстилалась не земля, а тонкая плёнка, натянутая над пропастью. Плёнка держала, но дрожала от каждого шага.

Илья достал ключ из кармана. Металл больше не был просто холодным — он обжигал пальцы стужей, идущей не снаружи, а словно изнутри самого предмета. И ключ светился. Не отражённым лунным светом — собственным, глубинным, синевато-ртутным свечением, которое пульсировало в такт ударам сердца. Илья поднял его перед собой.

И воздух дрогнул.

Не в переносном смысле — на самом деле. Пространство перед ними пошло рябью, как вода в стакане, который кто-то нечаянно задел локтем. Контур пустыря поплыл, искажаясь, словно отражение в оконном стекле, по которому потекли капли дождя. Алиса ахнула и схватила Илью за рукав. Фонарик выпал у неё из пальцев и покатился по земле, но никто не обратил на это внимания.

Прямо из воздуха, из ниоткуда, проступил контур двери. Не настоящей — скорее её идеи, её возможности, её ожидания. Высокая, раза в два выше человеческого роста, с арочным сводом и массивными петлями, она висела в пространстве, не касаясь земли, и была то ли соткана

из теней, то ли вырезана из лунного света. По краям арки бежали знакомые символы — башни, ворота, переплетённые линии, те самые, что украшали ключ и медальон антиквара Гросса.

— Это оно, — выдохнула Алиса. — Это вход.

— Или выход, — отозвался Илья, не узнавая собственного голоса.

Он сделал шаг вперёд. Ключ в его руке завибрировал — не мелкой дрожью, а мощными, равномерными толчками, будто сердце, запущенное в ладони. Синеватое свечение усилилось, отразилось в глазах Алисы, бросило призрачные тени на землю. В центре призрачной двери, там, где должна была находиться замочная скважина, зажглась точка — крохотная, ослепительно яркая, как далёкая звезда, увиденная не в телескоп, а вплотную.

— Нам нужно решить, — голос Алисы прозвучал напряжённо, но без дрожи. — Сейчас. Здесь. Если мы откроем это, обратного пути может не быть.

Илья смотрел на мерцающую точку и чувствовал, как всё его существо разрывается между двумя одинаково сильными импульсами. Один требовал развернуться, уйти, выбросить ключ, забыть — как советовал Гросс. Другой, более древний и менее понятный, тянул вперёд, в неизвестность, туда, где восемь десятилетий назад бесследно растворился целый квартал вместе со своим создателем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.